

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ

ПУШКИН

И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ

Избранные труды
(1898—1928)

Санкт-Петербург
«Искусство—СПБ»

Пушкин под тайным надзором

«Ты ни в чем не замешан, — это правда, — писал Пушкину Жуковский в апреле 1826 г., в ответ на его тревожные запросы друзьям о том, чего ему следует ожидать от нового царя, поглощенного в то время следствием над декабристами. — Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством» (XIII, 271)¹. И действительно, просмотр показаний декабристов, сделанный П. Е. Щеголевым, показал, что имя Пушкина фигурировало, в совершенно определенном освещении либерального писателя, в ответах многих и многих членов тайного общества, данных ими Следственной комиссии на вопрос о том, «с которого времени и откуда заимствовали они свободный образ мыслей, то есть от общества ли, или от внушений других, или от чтения книг, или сочинений в рукописях и каких именно» и кто вообще «способствовал укоренению в них сих мыслей»².

Таким образом, у членов Следственной над декабристами комиссии уже под влиянием одних этих ответов должно было сложиться определенное впечатление о Пушкине как об опасном и вредном для общества вольнодумце, рассевавшем яд свободомыслия в обольстительной поэтической форме. С такой же определенной репутацией человека политически неблагонадежного и зловредного должен был войти поэт и в сознание одного из деятельнейших членов упомянутой комиссии — известного генерал-адъютанта Бенкендорфа; такое же представление сложилось о нем и у самого императора Николая I, — как известно, ближайшим и внимательнейшим образом на-

¹ Сочинения и переписка А. С. Пушкина здесь и далее цитируются по Полному собранию сочинений в 16-ти томах (Изд-во АН СССР, 1937—1949; Большое академическое издание). Римской цифрой обозначается том, арабской — страница.

² Щеголев П. Е. Пушкин. СПб., 1912. С. 230.

блюдавшего за ходом следствия и за показаниями лиц, привлеченных к делу, и входившего во все подробности дела. Поэтому нет ничего удивительного в том, что когда, вскоре за тем, 25 июня и 3 июля 1826 г., были учреждены корпус жандармов и III Отделение Собственной его величества канцелярии, заменившее Особенную (полицейскую) канцелярию Министерства внутренних дел, то Пушкин естественным образом и как бы по наследству сразу вошел в круг клиентов новых учреждений «высшей полиции». Внесенный, конечно, и ранее в списки лиц, бывших под надзором Особенной канцелярии и ее агентов, как человек, заслуживавший особого внимания, Пушкин сразу сделался предметом особенных попечений и Бенкендорфа, как главногр начальника III Отделения, и его правой руки и фактотума — управляющего этим Отделением Максима Яковлевича фон Фока, перед тем заведовавшего упомянутою выше Особенною канцеляриею Министерства внутренних дел. Они оба, а второй в особенности, зорко следили за каждым шагом поэта даже тогда, когда он был еще в изгнании, а после его освобождения из ссылки усугубили надзор и непрерывно плели ту, по выражению П. Е. Щеголева, «бесконечную серую пелену», которая, опутав Пушкина в 1826 г., «развертывалась во все течение его жизни и не расеялась даже с его смертью...»¹.

Под «недреманное око» полицейского надзора Пушкин попал, по всей вероятности, тотчас же по выпуске из Лицея, вернее, — по приезде своем, осенью 1817 г., в Петербург из Михайловского, где он отдыхал от выпускных экзаменов; по крайней мере уже в конце 1817 г. (а именно 12 ноября) А. И. Тургенев в одном письме своем к Жуковскому (еще не изданном) с горечью сообщал, что он замечает в Пушкине-Сверчке «вкус к площадному волокитству и вольнодумство, также площадное, XVIII столетия...»*. Либерализм Пушкина не был лишь пассивным, — он проявлялся и вовне, сперва в разговорах, а затем и в писаниях; его вольнолюбивые пьесы, его шумный разгул, его ранняя популярность не могли не обратить на него нарочитого внимания блюстителей общественной тишины и спокойствия и опекунов государственной безопасности. Последние были сосредоточены тогда в Министерстве полиции, возглавлявшемся известным А. Д. Балашовым, — в частности, в Особенной канцелярии этого министерства, а директором ее уже в 1817 г. был выше-

¹ Щеголев П. Е. Пушкин. С. 227.

упомянутый М. Я. фон Фок¹. Нет никакого сомнения, что в делопроизводстве этой канцелярии, — не сохранившемся до нашего времени или хранящемся еще под спудом в архиве бывшего Министерства внутренних дел, — были следы надзора за Пушкиным и другими представителями гульевой молодежи той эпохи, и надзор этот направлялся и осуществлялся фон Фоком и его агентами, для которых и сама личность юного поэта, и его пылкие стихотворения и эпиграммы были слишком заманчивым предметом для наблюдения... Поведение его рано обратило на себя внимание Фока, — и с этого времени он начал выковывать ту цепь, которая постепенно связывала Пушкина все более и более и не отпускала его «на волю» уже до самой смерти.

Литература о Пушкине обладает уже большим количеством документальных данных, свидетельствующих о десятилетних «муках великого поэта», вызывавшихся сначала отдельными столкновениями его с тайной полицией, а затем — его почти непрерывными сношениями с Бенкендорфом, фон Фоком и преемником последнего — А. Н. Мордвиновым. Сообщаемый ниже материал, извлеченный нами из дел секретного архива бывшего III Отделения, дорисовывает эту картину и вносит в нее некоторые детали.

Участие тайной полиции (в частности, агента Фогеля) в деле о высылке Пушкина на юг в мае 1820 г. уже давно известно из рассказа поэта-декабриста Ф. Н. Глинки*, но, так сказать, официально и открыто Пушкин вступил в непосредственные отношения к полиции в лице III Отделения и стал «поднадзорным» 30 сентября 1826 г., когда он, будучи в Москве, получил первое деловое письмо от Бенкендорфа²; но связь его с «высшей полицией» началась, как мы сказали, значительно раньше. Мы видели уже, как близко к последней поставила Пушкина деятельность Следственной комиссии по делу декабристов. «Дополнение, — говорит П. Е. Щеголев, — к данным, полученным официально из показаний привлеченных к

¹ Месяцеслов на 1818 г. Ч. 1. С. 797.

² Отношения Пушкина к III Отделению рассмотрены и определены в статьях: <Попов М. М.> Александр Сергеевич Пушкин // Русская старина. 1874. Т. 10. С. 683—714; Лемке М. К. Муки великого поэта // Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 г. СПб., 1908. С. 465—526; Щеголев П. Е. Император Николай I и Пушкин в 1826 г. // Щеголев П. Е. Пушкин. С. 226—265; Лернер Н. О. После ссылки в Москве // Пушкин А. С. Соч. / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1909. Т. 3. С. 335; и др.

делу, и укрепление создавшегося о Пушкине представления приносили доносы. Всегда была обильна доносами Русская земля, а в то время доносительство достигло степеней чрезвычайных. Во все концы России были разсланы офицеры, преимущественно флигель-адъютанты, для собирания под рукой доносов и сведений, не укрывается ли еще где-нибудь гидра революции и остатки вольного духа. Все эти посланцы представляли рапорты и донесения о положении дел в губерниях, университетах и т. д. К сожалению, обо всем этом мы очень мало знаем; обрывки донесений встречаются в деле Следственной комиссии, но все собрание их нам еще недоступно. Был послан такой соглядатай и в Прибалтийский край, в область управления эстляндского генерал-губернатора Паулуччи. Проезжая через Псков, этот агент собрал сведения о Пушкине. Но донесение его нам неизвестно. Анненков слышал о посылке „особенного агента в начале 1826 года, с поручением объехать несколько западных губерний для узнания местных злоупотреблений и, при проезде через Псков, собрать точные и положительные сведения о самом поэте, что, по связям последнего со многими декабристами, было тогда мерой, входившей в общий порядок начатого следствия над заговорщиками“¹. Анненков без всяких оснований полагает, что содержание его было благоприятно для Пушкина². Мы же думаем, что донесение, вероятнее всего, не расходилось с теми данными, которые были получены Следственной комиссией»³.

Так сказать, гласные полицейские материалы о Пушкине в настоящее время представляется возможным дополнить целою сериею материалов агентурного, секретного характера, сохранившихся в особом секретном отделе Архива бывшего III Отделения⁴, в который вошли и документы предшествовавшего учреждению Отделения времени, начиная с февраля 1826 г., то есть от той поры, когда Бенкендорф и фон Фок еще не носили соответствующих официальных званий, но заняты были частным поручением молодого императора — организацией секретного надзора, в виду предстоявшей коронации

¹ Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 320.

² Теперь это донесение Александра Карловича Бошняка (доносчика на декабристов), в общем благоприятное для Пушкина, найдено в секретном отделе того же Архива III Отделения А. А. Шиловым; см. с. 80—84 наст. изд.

³ Щеголев П. Е. Пушкин. С. 233—239.

⁴ Ныне в Историко-Революционном архиве (ныне ГАРФ. — *Ред.*).

Николая I и отчасти в связи с шедшим тогда следствием по делу декабристов.

Ознакомление с этим секретным архивом дает возможность довольно отчетливо установить схему наблюдательной деятельности III Отделения¹. Она шла по двум путям, иногда параллельным, иногда сходящимся между собою: Бенкендорф, как шеф жандармов и командующий Императорскою Главною Квартирою, имел в своем ведении и распоряжении жандармских офицеров, раскинутых целою сетью по всей России и имевших, равным образом, своих собственных агентов; через начальников жандармских округов агентурные сведения из городов, губерний и уездов стекались к Бенкендорфу, а от него шли к Фоку, управляющему собственно III Отделением. Фок, кроме управления делопроизводством Канцелярии, в свою очередь, вел широкую агентурную разведку, пользуясь для этого довольно обширным, по-видимому, штатом агентов и шпионов, живших в Петербурге, но иногда ездивших и в командировки. Из помощников Бенкендорфа назовем жандармов: генерала Петра Ивановича Балабина (начальника I Округа) в Петербурге, генерала Александра Александровича Волкова и полковника Ивана Петровича Бибикова в Москве², полковника Жемчужникова — в Ярославле, полковника Дейера — в Вологде и др. У Фока же состояли тайными агентами: довольно известный и плодовитый писатель-драматург Степан Иванович Висковатов (брат академика-математика)³, князь Александр Федорович Голицын (камер-юнкер, служивший при Канцелярии Наследника Александра Николаевича), Екатерина Алексеевна Хотяинцова, бывшая Цизорова или Цызырева, рожд. Бернштейн (жена придворного актера Дмитрия Николаевича Хотяинцова⁴, крещеная еврейка, слывшая у Фока под кличкою «Juive»); писательница Екатерина Наумовна Пучкова⁵, осмеянная в эпиграмме Пушкина, и ее сестра Наталья; Александр Саввич Лефевр, делавший свои сообщения Фоку по-французски; И. Локателли, также доносивший на

¹ Об учреждении III Отделения и о предшествовавших ему полицейских учреждениях, а также о Бенкендорфе и Фоке см.: *Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 г. С. 7 и след.*

² У него, в свою очередь, был агент-секретарь Петр Попов, числившийся при Московском архиве Министерства иностранных дел. И. П. Бибилов впоследствии покровительствовал поэту Полежаеву.

³ См.: *Русская старина. 1881. Т. 32. С. 172 и 314.*

⁴ См. Там же. 1898. Т. 94. С. 454.

⁵ Ср.: Там же. 1881. Т. 32. С. 312.

французском языке; некий Гофман; еврей (?) Оскар Венцеславович Кобервейн, некий Гуммель (писавший по-немецки), Карл Матвеевич Фрейганг, Илья Ангилеевич Попов; неизвестная, «работавшая» среди солдат и носившая прозвище «Sibylle» (вероятно, гадалка), и многие, судя по почеркам донесений, другие, имена которых пока не представляется возможным разгадать, — люди образованные и совсем малограмотные, соответственно тем кругам, в которых они действовали.

Донесения этих агентов (всегда, по-видимому, письменные) стекались прямо к Фоку, а он из некоторых делал выборки, извлечения или сводку сообщений и представлял, в тщательно переписанном собственноручно виде, Бенкендорфу то, что, по его мнению, заслуживало внимания главы «высшей полиции»; через Бенкендорфа же секретные записки Фока восходили нередко и к самому Николаю I. К агентурной деятельности был близок также и барон И. И. Дибич (начальник Главного Штаба), зачастую сообщавший Бенкендорфу и от него получавший различные сведения, а также П. В. Голенищев-Кутузов — петербургский военный генерал-губернатор. Однако душою, главным деятелем и важнейшею пружиною всего сложного полицейского аппарата был неутомимый фон Фок, сосредоточивавший в своих опытных руках все нити жандармского сыска и тайной агентуры. Его деятельность была поразительно обширна, — он отдавался ей по-видимому, с любовью, даже со страстью, в буквальном смысле слова «не покладая рук». Количество сохранившихся в архиве III Отделения его писем, докладных и иных записок, справок, заметок, бюллетеней самого разнообразного характера, по самым различным поводам и вопросам — прямо изумительно¹. Человек умный, хорошо образованный и воспитанный (бывший военный), он обладал знанием русского, французского, немецкого (ему родного) и польского языков и владел ими совершенно свободно. Своим большим образованием и кипучею деятельностью он как бы дополнял Бенкендорфа, — человека менее образованного и вялого, даже ленивого; их отношения друг к другу были самые дружественные, хотя

¹ Хорошее понятие о письмах Фока можно составить по письмам его к Бенкендорфу за июль — сентябрь 1826 г., опубликованным М. И. Семевским (в переводе на русский язык) в статье «Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая» (Русская старина. 1881. Т. 32. С. 163—164, 303—336 и 519—560).

Фок в своих письменных сношениях с «шефом» никогда не терял тона почтительности и уважения.

Присмотр этого-то обширного агентурного материала фоковского секретного архива за время 1826—1831 г. (то есть до смерти Фока, скончавшегося 27 августа 1831 г.) и дал возможность среди самых разнородных сведений о всевозможных событиях и о великом множестве лиц самого различного общественного или служебного положения разыскать немало новых сведений и о Пушкине, бывшем, как мы сказали, предметом особого внимания Бенкендорфа и Фока и их сотрудников.

Выборка из этого материала всего того, что так или иначе, в той или другой степени связано с именем Пушкина и с его биографией, расположенная в хронологическом порядке, дает возможность проследить почти пять лет жизни Пушкина в ее различных, крупных и мелких, событиях, отразившихся в работе III Отделения. Мы слышим здесь давно умолкнувший голос отца поэта, жалующегося своему брату и зятю в напыщенных, столь ему свойственных тонах, на сына в один из самых тяжелых периодов их взаимных отношений; узнаем некоторые новые подробности жизни поэта, выясняем отношение к нему окружающей среды и отдельных лиц, наконец, читаем его собственные слова в письме его к Бенкендорфу от 7 мая 1830 г. Знакомство со всеми этими материалами подтверждает давно высказанные известным чиновником III Отделения, а некогда учителем Белинского — Михаилом Максимовичем Поповым слова, что уже с самого начала сношений своих с Пушкиным «высшая полиция» обратила особенное на него внимание и что «с того времени Бенкендорф и его помощник фон Фок ошибочно стали смотреть на молодого поэта не как на ветреного мальчика, а как на опасного вольнодумца, постоянно следили за ним и приходили в тревожное положение от каждого его действия, выходившего из общей колеи... Бенкендорф и его помощник фон Фок, не восхищавшиеся ничем в литературе и не считавшие поэзию делом важным, передавали царскую волю Пушкину всегда пополам со строгостью, хотя в самых вежливых выражениях. Они как бы беспрестанно ожидали, что вольнодумец их предпримет какой-либо вредный замысел или сделается коноводом возмутителей. Между тем Пушкин беспрестанно впадал в проступки, выслушивал замечания, приносил извинения и опять проступался. Он был в полном смысле слова дитя и, как дитя, никого не боялся. Зато люди, которые должны бы быть прозорли-

выми, его боялись. Отсюда начался ряд с одной стороны напоминающий, выговоров, а с другой — извинений, обещаний и вечных прощупков!»¹

Эта борьба двух противоположных начал ясно видна в печатаемых ниже материалах.

Когда умер Фок, то детски незлобивый, всепрощающий поэт написал о нем следующее: «На днях скончался в П. Б. фон-Фок, начальник 3 отделения государевой канцелярии (тайной полиции), человек добрый, честный и твердый. Смерть его есть бедствие общественное. Государь сказал: „J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer“². Вопрос: кто будет на его месте? важнее другого вопроса: что сделаем с Польшей» (XII, 201).

Этими словами Пушкин ярко и верно очертил то значение, какое Фок имел в тогдашней русской общественной жизни, а в частности, следовательно, и в его собственной, и — не помянул его лихом³.

Серия секретных материалов о Пушкине начинается запискою, которая находится в особом отделе Секретного архива, носящем название: «Bulletins et autres notices», — в картоне № 1, за февраль 1826 г.; здесь под № 35 имеется записка, писанная рукою деятельного агента III Отделения Степана Ивановича Висковатова — поэта и плодовитого драматурга, одного из ранних поклонников Шекспира в России, «обработавшего для Российского театра» «Гамлета» еще в 1811 г.*, во время своей службы в Канцелярии министра полиции Балашева; позже, в 1828—1829 г., он служил при Дирекции петер-

¹ <Попов М. М.> Александр Сергеевич Пушкин // Русская старина. 1874. Т. 10. С. 694—695.

² «Я потерял Фока; могу лишь оплакивать его и сожалеть, что не мог его любить» (*франц.*).

³ Незадолго до смерти Фока Пушкин обращался к нему с письмом (до нас не дошедшим) по поводу предположенного им издания политической газеты, программу которой он сообщил тогда же и Бенкендорфу (при письме от 27 мая 1831 г. из Царского Села). Фон Фок, письмом от 8 июня, в изысканных выражениях благодаря Пушкина за доверие, оказанное обращением к нему, отклонил всякое свое участие в этом деле, причем писал поэту: «Желая вам самых блестящих успехов в вашем предприятии, я, конечно один из первых буду радоваться таковому и поздравлять публику, что человек вашего отличного таланта будет способствовать сколь к ее удовольствию, столь и к просвещению» (Русский архив. 1881. Кн. 1. С. 440; ср.: XIV, 171, 427).

бургских театров переводчиком¹ и в 1831 г., во время холеры, пропал без вести; вот эта записка:

«Прибывшие на сих днях из Псковской губернии² достойные вероятия особы удостоверяют, что известный по вольнодумным, вредным и развратным стихотворениям титулярный советник Александр Пушкин, по высочайшему в бозе почившего императора Александра Павловича повелению определенный к надзору местного начальства в имении матери его, состоящем Псковской губернии в Апоческом уезде, и ныне при буйном и развратном поведении открыто проповедует безбожие и неповиновение властям и по получении горестнейшего для всей России известия о кончине государя императора Александра Павловича он, Пушкин, изрыгнул следующие адские слова: „Наконец не стало Тирана, да и оставший род его не долго в живых останется!“ Мысли и дух Пушкина бессмертны: его не станет в сем мире, но дух, им поселенный, на всегда останется, и последствия мыслей его непременно поздно или рано произведут желаемое действие».

В одном из первых донесений только что назначенного агента Бенкендорфа — полковника жандармского полка И. П. Бибикова — из Москвы (Секретный архив, № 912) — читаем следующее:

Partageant vos nobles intentions, je songe sans cesse aux moyens de resserrer les liens qui unissent le Souverain à son peuple, et je pense qu'après les sujets importants dont j'ai eu l'honneur de vous entretenir dans mes lettres, il est indispensable de fixer l'attention sur les étudiants et sur tous les élèves en général des instituts publics; nourris, pour la plupart dans des idées séditieuses et formés dans des principes irréligieux, ils offrent une pépinière qui peut un jour devenir funeste à la patrie et au pouvoir légitime.

On ne saurait aussi avoir une surveillance assez vigilante sur les jeunes poètes et les journalistes. Mais ce n'est pas par la sévérité seule qu'on peut porter remède aux maux que leurs écrits ont fait et peuvent encore faire à

¹ Любопытно, что в 1828 г. другой агент фон Фока — некий Локателли сообщал своему патрону: «Многие смеются над известным Висковатовым, который напечатал в № XI Русского журнала „Благонамеренный“ стихи, обращенные им к генералу Бенкендорфу. Находят, что они очень плохи и преисполнены подлой лести». В это время Висковатов, по-видимому, уже больше не служил в III Отделении. О его «переделке» «Гамлета» см.: *Лебедев В.* Знакомство с Шекспиром в России до 1812 г. // Руский вестник. 1875. № 12. С. 788—789.

² Висковатов был сам пскович и имел там родственные связи и знакомства.

la Russie, car a-t-on gagné en reléguant le jeune Pouchkin en Crimée? Ces jeunes gens se trouvant seuls dans ces déserts, séparés, pour ainsi dire, de toute société pensante, privés de toute espérance au printemps de la vie, ils distillent le fiel de leur mécontentement dans leurs écrits, inondent l'Empire d'une foule de vers séditieux qui vont porter le flambeau de la révolte dans toutes les conditions et attaquer de l'arme dangereuse et perfide du ridicule la sainteté de la religion, — frein indispensable pour tous les peuples et particulièrement pour les Russes¹. Que l'on essaye de flatter la vanité de ces prétendus sages, et ils changeront d'opinion, car ne croyons pas que l'amour du bien ou le noble élan du patriotisme animent ces têtes exaltées, — non, c'est l'ambition qui les dévore et le désespoir d'être confondus dans la foule².

Je joins ici des vers qui circulent même en province et qui vous prouveront qu'il y a encore des malveillans:

Паситесь, русские народы,
Для вас не внятн славы клич,
Не нужны вам дары свободы, —
Вас надо резать — или стричь.

Je suis forcé, Général, d'entrer dans toutes sortes de détails avec Vous, parceque Vous ne devez pas compter sur la police d'ici, — c'est comme si elle n'existait pas et si tout est encore tranquille à Moscou, ne l'attribuez qu'à la Providence divine et au caractère paisible de la majeure partie des habitans.

B—ff.

Le 8 Mars 1826.
Au № 3³

¹ «Voyez Гавририада сочинение А. Пушкина».

² Эта фраза отчеркнута по полю и сопровождается знаком вопроса.

³ «Разделяя Ваши благородные намерения, я непрерывно размышляю о том, какими средствами можно было бы еще крепче связать узы, соединяющие государя с его народом, и полагаю, что, кроме тех важных предметов, о которых я имел честь вести с Вами беседу в моих письмах, необходимо сосредоточить внимание на студентах и вообще на всех учащихся в общественных учебных заведениях. Воспитанные, по большей части, в идеях мятежных и сформировавшиеся в принципах, противных религии, они представляют собою рассадник, который со временем может стать гибельным для отечества и для законной власти.

Равным образом необходимо учредить достаточно бдительное наблюдение за молодыми поэтами и журналистами. Однако при помощи одной лишь строгости нельзя найти помощи против того зла, которое их писания уже сделали и еще могут сделать России: выиграла ли что-нибудь от того, что сослали молодого

В этом донесении Ивана Петровича Бибикова, сыгравшего позже, в 1834 г., уже по выходе своем в отставку, некоторую роль в жизни поэта Полежаева* (который увлекся его дочерью Екатериной Ивановной, впоследствии, по мужу, Раевской), любопытно указание, — совершенно положительное, — о принадлежности Пушкину «Гавриилиады»: дело о ней возникло, как известно, лишь в 1828 г., — и поэту с трудом удалось тогда отвести от себя уже готовый разразиться над ним новый удар, а Бибиков, оказывается, еще в 1826 г. определенно знал автора поэмы и указывал на него Бенкендорфу, который тогда еще только готовился взять под свое особенное наблюдение Пушкина. Затем, по странному совпадению, Бибиков приводит в своем письме, хоть и не совсем точно, стихи Пушкина же: выписанные Бибиковым четыре стиха взяты из стихотворения Пушкина «Свободы сеятель пустынный», сообщенного автором в письме к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г., а напечатанного лишь в 1867 г. В рукописи приведенные стихи читаются так:

Паситесь, мирные народы,
Вас не пробудит чести клич!
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.

Пушкина в Крым? Эти молодые люди, оказавшись в одиночестве в таких пустынях, отлученные, так сказать, от всякого мыслящего общества, лишенные всех надежд на заре жизни, изливают желчь, вызываемую недовольством, в своих сочинениях, наводняют государство массою мятежных стихотворений, которые разносят пламя восстания во все состояния и нападают с опасным и вероломным оружием насмешки на святость религии — этой узды, необходимой для всех народов, а особенно — для русских (см. «Гавриилиаду», сочинение А. Пушкина). Пусть постараются польстить тщеславию этих непризнанных мудрецов, — и они изменят свое мнение, так как не следует верить тому, что эти горячие головы руководились любовью к добру или благородным патриотическим порывом, — нет, их пожирает лишь честолюбие и страх перед мыслью быть смешанными с толпою.

Сообщаю здесь стихи, которые ходят даже в провинции и которые служат доказательством того, что есть еще много людей зложелательных:

<...>

Я вынужден, генерал, входить с вами во всякого рода подробности потому, что Вы вовсе не должны рассчитывать на здешнюю полицию: ее как бы не существует вовсе, и если до сих пор в Москве все спокойно, то приписывайте это лишь божественному провидению и миролюбивому характеру большей части здешних жителей».

8 марта 1826

К № 3» (франц.).

Б—в

До Бибикова они дошли уже в искаженном виде — и с прямым приурочением к России — в одном из списков, разошедшихся, конечно, с легкой руки самого Тургенева.

В тех же упомянутых выше «Bulletins» за июнь 1826 г., в сообщении петербургского агента I. Locatelle (за № 352), делавшего свои наблюдения в обществе в связи с работами заседавшего тогда Верховного уголовного суда над декабристами, читаем следующее: «On est fortement étonné que célèbre Пушкин qui de tout temps est connu par sa manière de penser, ne soit impliqué dans l'affaire des conspirés»¹. Действительно, хотя имя Пушкина и фигурировало в показаниях многих декабристов, однако отсутствие формальных поводов не позволило привлечь его к следствию, — а этого он сам сильно опасался.

Ко времени, непосредственно следовавшему за казнью декабристов, относятся три любопытных документа: во-первых, хорошо известная историкам русской общественности конца 1820-х гг. и напечатанная впервые в 1877 г.² записка «Нечто о Царскосельском Лицее и о духе оно-го», — записка, автор коей оставался до сих пор неизвестен³; во-вторых, записка об «Арзамасе»⁴ и, в-третьих, особое «дело» Секретного архива (№ 758) из бумаг, оставшихся после смерти графа И. О. Витте, с расследованием о Пушкине, произведенном Александром Карловичем Бошняком, состоявшим в ведомстве Коллегии иностранных дел.

Помещик Херсонской губернии, «однокашник» Жуковского, бывший нерехотский (Костромской губернии) уездный предводитель дворянства, человек, по отзыву декабриста князя С. Г. Волконского, «умный и ловкий и принявший вид передового лица по политическим мнениям», — Бошняк, состоял секретным агентом при начальнике херсонских военных поселений графе И. О. Витте и в 1824—

¹ «Все чрезвычайно удивлены, что знаменитый Пушкин, который всегда был известен своим образом мыслей, не привлечен к делу заговорщиков» (*франц.*)

² Русская старина. 1877. Т. 18. С. 657—660.

³ Там же. С. 660, примеч.; Русский архив. 1904. Кн. 2. С. 137.

⁴ Русская старина. 1877. Т. 18. С. 655—656; Шильдер Н. К. Император Николай I. СПб., 1903. Т. 1. С. 427—428.

1826 г. играл роль провокатора в кружке членов Южного тайного общества, в которое он проник, не внушая опасений, как человек светский, образованный, ботаник-любитель и литератор, автор нескольких книг¹. По поручению того же Витте Бошняк, в середине июля 1826 г., то есть тотчас после казни декабристов, был отправлен в Псковскую губернию, для «возможно тайного и обстоятельного исследования поведения известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в поступках, клонящихся к возбуждению к вольности крестьян», и для «арестования его и отправления куда следует, буде бы он оказался действительно виновным». Приводим черновой рапорт Бошняка и его записку о Пушкине по тексту, опубликованному и комментированному А. А. Шиловым в журнале «Былое» 1918 г., в статье «К биографии Пушкина»².

Командиру резервного кавалерийского корпуса
генерал-лейтенанту графу Витту

Коллегии иностранных дел
от коллежского советника
Бошняка

Рапорт

В следствие словесного приказания вашего сиятельства, отъехав Псковской губернии в город Ново-Ржев для препорученного исследования текущего года июля 19 дня, окончил я оное того же месяца 24 числа вечером, почему и отправил ожидавшего меня на станции Бежаницах фельдгегера Блинкова 25 числа, в 8 часов утра, обратно в С.-Петербург. Что ж найдено мною прямо касающегося до известного предмета, равно как и до других, довольно важных обстоятельств, изъяснено в двух прилагаемых при сем записках под литерами А и В. Равным образом честь имею при сем представить для препровождения куда следует выданный под мою росписку из Канцелярии Дежурства его императорского величества и оставшийся без употребления открытый лист за № 1273 на имя фельдгегера Блинкова, также и отчет в издержанных на прогоны деньгах из числа выданных из той же Канцелярии на оные 300 рублей, оставшиеся от которых 51 р. 70 к. при сем же прилагаются.

Москва³. Августа 1 1826

¹ О нем подробнее см.: Былое. 1918. № 2 (30). С. 71.

² Там же. С. 67—77. Не совсем правильные и точные сведения об этой «записке» были, как мы уже указали выше, известны еще Анненкову; см.: *Анненков Л. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху*. С. 320.

³ Написано было: «С.-Петербург» и «июля», но зачеркнуто.

ЗАПИСКА О ПУШКИНЕ¹

Целью моего отправления в Псковскую губернию было сколь возможно тайное и обстоятельное [рассмотрение поступков]² исследование поведения известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в поступках, клонящихся к возбуждению к вольности крестьян, и в арестовании его и отправлении куда следует, буде бы он оказался действительно виновным.

Следуя через Порхов³ на Ново-Ржев, первые сведения о Пушкине получил я на станции Ашеве. Знали, что Пушкин жил в некотором расстоянии от Ново-Ржева, но совсем никаких слухов об нем не было, и потому заключали, что он вел себя весьма скромно.

По прибытии в Ново-Ржев [роспустя слух, что я путешествующий ботаник], я успел вскоре привлечь доверенность хозяина гостиницы, в которой я остановился, Дмитрия Степанова Катосова. От него я узнал о Пушкине следующее:

1-ое. Что на ярмонке Святогорского Успенского монастыря Пушкин был в рубашке, подпоясан розовою лентою, в соломенной широкополой шляпе и с железною тростью в руке⁴.

2-ое. Что, во всяком случае, он скромен и осторожен, о правительстве не говорит, и вообще никаких слухов об нем по народу не ходит.

3-ие. Что отнюдь не слышно, чтобы он сочинял или пел какие-либо возмутительные песни, а еще менее — возбуждал крестьян.

Стремясь к дальнейшим открытиям, я решился искать знакомств в Ново-Ржеве.

Успевши познакомиться с уездным судьей Толстым [которого удалось мне также уверить, что я ученый ботаник, намеренный провести несколько дней в Ново-Ржеве и в окрестностях оною, я возбудил его откровенность], о Пушкине я узнал как от него, так и от бывшего у Толстого в гостях смот-

¹ Она, вероятно, в чистовом рапорте была помечена литерою А.

² Здесь, как и далее, в прямых скобках поставлено то, что в черновом рапорте зачеркнуто, но заслуживает внимания.

³ Из заметок Бошняка на л. 2 видно, что в Порхов он прибыл с фельдъегерем Блинковым 20 июля, в 9 час. пополудни; здесь Блинков был им оставлен до ночи 23-го числа.

⁴ Ср. этот рассказ с записью в дневнике опочецкого торговца И. И. Лапина о его встрече с Пушкиным в Святых же Горах годом ранее — 29 мая 1825 г.: «...имел счастье видеть Александру Сергеевича г-на Пушкина, которой некоторым образом удивил странною своею одеждою, а например: у него была надета на голове соломенная шляпа, в ситцевой красной рубашке, опоясавши голубою ленточкою, с железною в руке тростию, с предлинными черными бакинбардами, которые более походят на бороду, также с предлинными ногтями, с которыми он очищал шкорлупу в апельсинах и ел их с большим аппетитом, я думаю, около 1/2 дюжины» (*Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. Псков, 1912. С. 203; перепечатано: День. 1912. 27 окт.*).

рителя по винной части Трояновского, что Пушкин живет весьма скромно, ни в возбуждении крестьян, ни в каких-либо поступках, ко вреду правительства устремленных, не подозревается.

Познакомясь в гостинице с уездным заседателем Чихачевым, я услышал от него, что он, Чихачев, с Пушкиным сам лично знаком, что Пушкин ведет себя весьма скромно и говаривал не раз: «Я пишу всякие пустяки, что в голову придет, а в дело ни в какое не мешаюсь. Пусть кто виноват, тот и пропадает; я же сам никогда на галерах¹ не буду».

За обедом у Толстого, к которому и я был приглашен, находился близкий Пушкина сосед, г. Львов, бывший сряду два последние трехлетия Псковским губернским предводителем², — человек богатый и отменно здоровым рассудком одаренный. Львов, исполненный, как казалось, истинного негодования противу злонамеренных, конечно, не скрывал своих замечаний о Пушкине. Он говорил:

1-ое. Что известные по сочинениям мнения Пушкина, яд, оными разлитый, ясно доказывают, сколько сей человек, при удобном случае, мог бы быть опасен; что мнения его такого рода, что, отравив единожды сердце, никогда уже измениться не могут.

2-ое. Что, впрочем, поступки Пушкина отнюдь с прежними писаниями его не согласны; что он, Львов, хотя и весьма близкий ему сосед, но ничего предосудительного о нем не слышит; что Пушкин живет очень смирно, и что совершенно несправедливо, чтоб он старался возбуждать народ.

Поелику все сии известия были неудовлетворительны [!], я решился ехать к отставному генерал-майору Павлу Сергеевичу Пушину, от которого вышли все слухи о Пушкине, сделавшиеся причиною моего отправления³. [Название путешествующего ботаника и ложный поклон будто бы от графа Ланжерона, которого я никогда не видал, открыли мне путь]. Мне посчастливилось открыть себе путь к знакомству с ним, с женою и сестрою его. Пробыв в селе его Жадрицах целый день, в общих разговорах узнал я:

¹ Т. е. в каторге. — Б. М.

² Полковник Алексей Иванович Львов был губернским предводителем дворянства лишь одно трехлетие — 1823—1826 гг.

³ С Пушиным Пушкин был знаком еще по Кишиневу, где Пушин был командиром местной бригады и был отставлен в 1822 г.; в масонской ложе, основанной Пушиным — «Овидий № 25» — в Кишиневе, Пушкин был членом. Известно полушутливое послание Пушкина к Пушину (1821 г.), в коем поэт называет его иронически — «Грядущим нашим Квирогою» (Квируга — известный тогда испанский революционер); вообще, по словам Липранди, «Пушкин неоднократно подсмеивался над Пушиным», — что, может быть, и было причиною неодобрительного отношения его к поэту-соседу; впрочем позже, в начале 1830 г., Пушкин обращался к Пушину с письмом по делу судившейся с Пушиным П. А. Осиповой (см.: *Пушкин А. С. Соч. / Под ред. С. А. Венгерова. Т. 2. С. 580—581; Пушкин А. С. Соч. / Изд. имп. Акад. наук. СПб., 1912. Т. 3. С. 52—53; Былое, 1906. № 12. С. 235*).

1-ое. Что иногда видали Пушкина в русской рубашке и в широкополой соломенной шляпе.

2-ое. Что Пушкин дружески обходился с крестьянами и брал за руку знакомых, здороваясь с ними.

3-ие. Что иногда ездит верхом и, достигнув цели своего путешествия, приказывает человеку своему отпустить лошадь одну, говоря, что всякое животное имеет право на свободу.

4-ое. Думали, что Пушкин продолжает писать, но никаких новых стихов его или песен ни в простом народе, ниже в дворянстве известно не было.

5-ое. Пушкин ни с кем не знаком и ни к кому не ездит, кроме одной госпожи Есиповой¹, своей родственницы; чаще же всего бывает в Святогорском монастыре.

6-ое. Впрочем, полагали, что Пушкин ведет себя несравненно осторожнее противу прежнего; что он говорун, часто взводящий на себя небывлицу, что нельзя предполагать, чтобы он имел действительные противу правительства намерения, в доказательство чего и основывались на непричастности его к заговору, которого некоторые члены состояли с ним в тесной связи; что он столь болтлив, что никакая злонамеренная шайка не решится его себе присвоить; наконец, что он человек, желающий отличить себя странностями, но вовсе не способный к основанному на расчете ходу действий.

Видя, что все собранные в доме Пушиных сведения основываемы были, большею частью, не на личном свидетельстве, а на рассказах, столь обыкновенных в деревнях и уездных городках, я решился искать истины при самом источнике, то есть в Святогорском монастыре [отстоящем в 3 1/2 верстах от местопребывания Пушкина и столь часто им посещаемом].

По прибытии на ночь в монастырскую слободу [при Святогорском Успенском монастыре состоящую], я остановился у богатейшего в оной крестьянина — Ивана Никитина Столарева. На расспросы мои о Пушкине Столарев сказал мне следующее:

1-ое. Что Пушкин живет в 3 1/2 в. от монастыря, в селе Зуеве², где, кроме церкви и господского строения, нет ни церковно-служительских, ни крестьянских домов.

2-ое. Что Пушкин обыкновенно приходит в монастырь по воскресеньям.

3-ие. Что ему всегда случалось видать его в сюртуке и иногда, в жары, без косынки.

¹ Т. е. тригорской помещицы Прасковьи Александровны Осиповой. Она была не в родстве, а в свойстве с Пушкиными: ее сестра, Елисавета, была замужем за Яковом Исааковичем Ганнибалом, двоюродным братом Надежды Осиповны Пушкиной, матери поэта.

² Михайловское называлось в просторечии Зуевым. Церковь была не в Михайловском, а в соседнем Тригорском или, вернее, в Ворониче.

4-ое. Что Пушкин — отлично добрый господин, который [давал на водку] награждает деньгами за услуги даже собственных своих людей; ведет себя весьма просто и никого не обижает.

24-го, в субботу, рано по утру, отправился я в Святогорский Успенский монастырь к игумену Ионе¹ и, обратя внимание его щедротами на пользу монастырскую, провел я у него целое утро [в молитве, осматривании строений и разговорах]. От него о Пушкине я узнал следующее:

1-ое. Пушкин иногда приходит в гости к игумену Ионе, пьет с ним наливку и занимается разговорами.

2-ое. Кроме Святогорского монастыря и госпожи Осиповой², своей родственницы, он нигде не бывает, но иногда ездит и в Псков.

3-ие. Обыкновенно ходит он в сюртуке, но на ярмонках монастырских иногда показывался в русской рубашке и в соломенной шляпе.

4-ое. Никаких песен он не поет и никакой песни им в народ не выпущено.

5-ое. На вопрос мой — «не возмущает ли Пушкин крестьян», игумен Иона отвечал: «он ни во что не мешается и живет, как красная девка».

По возвращении на квартиру и расплатясь с хозяином [щедрою рукою], я узнал от него еще, в подтверждение слышанного, что Пушкин ни у кого не бывает, кроме родственницы своей, г-жи Осиповой, не посещает [никогда] окружающих деревень и заходит только в их монастырь; ни с кем не знается и ведет жизнь весьма [скромную] уединенную. Слышно о нем только от людей его, которые не могут нахвалиться своим баринном.

Не находя более никаких средств к дальнейшим разведываниям, в 2 часа пополудни отправился я обратно в Ново-Ржев. Проезжая через удельную деревню Губину, соседственную с селом Пушкина, я нашел в оной, по причине рабочей поры, только одного крестьянина, который подтвердил мне, «что Пушкин нигде в окружных деревнях не бывает, что он живет весьма уединенно, и Губинским крестьянам, ближайшим его соседям, едва известен». Таким образом удостоверясь, что Пушкин не действует решительно к возмущению крестьян, что особого на них впечатления не произвел, что увлекается, может быть, только случайно к неосторожным поступкам и словам порывами неукротимых мнений, а еще более — желанием обратить на себя внимание странностями, что действительно не может быть почтен, — по крайней мере, поныне, — распространителем вредных в народе слухов, а еще менее — возмутителем, — я, согласно с данными мне повелениями, и не приступил к арестованию его и, возвратясь на станцию Бежаница, где

¹ Об игумене Святогорского монастыря Ионе и об отношениях его к Пушкину см.: *Яцимирский А. И.* Святые Горы, место вечного упокоения Пушкина // Пушкин А. С. Соч. / Под ред. С. А. Венгерова. Т. 6. С. 229—331; *игумен Иоанн.* Описание Святогорского Успенского монастыря. Псков, 1899. С. 110—111.

² Здесь фамилия соседки Пушкина написана Бошняком правильно.

оставлял прибывшего со мною фельдъегеря, отпустил его, как более не нужного, обратно в С.-Петербург.

«Что же послужило, — спрашивает А. А. Шилов в цитированной статье своей, — причиною надвинувшейся над ничего не подозревавшим Пушкиным грозы, — надвинувшейся как раз в то время, когда он „желал бы *вполне* и *искренне* помириться с правительством“ и беспокоился, „что его оставили в покое“¹, и даже 19 июля 1826 г. представил на высочайшее имя прошение о дозволении ему ехать в Москву или С.-Петербург, или же в чужие края для излечения болезни?

Из „Записки о Пушкине“, — говорит Шилов, — видно, что его подозревали в „сочинении и пении возмутительных песен и в возбуждении крестьян к вольности“. Источником этого подозрения не был донос, а только сплетни-слухи, „столь обыкновенные в деревнях и уездных городах“ и вышедшие, главным образом, от соседа по имени П. С. Пушина; их основанием, конечно, послужили и образ жизни поэта, и отношение его к соседям-помещикам.

Отношение к уединенному образу жизни Пушкина, подчеркнутому неоднократно разными лицами: „ни с кем не знаком, ни к кому не ездит“ — удивительно живо напоминает отношение помещиков к Евгению Онегину, который тоже вызвал к себе неодобрение своих соседей:

...За то в углу своем надулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчетливый сосед,
Другой лукаво улыбнулся,
И в голос все решили так:
Что он опаснейший чуда².

Поражало окрестных помещиков и гуманное отношение Пушкина к крестьянам, — опять напоминающее Евгения Онегина, — как к своим, так и к жившим в соседних деревнях: „Он дружески обходился с крестьянами и брал за руку знакомых, здороваясь с ними“, — показывает П. С. Пушин; „отлично добрый господин, ко-

¹ XIII, 259, 286.

² «...Я пользуюсь между своими соседями репутацией Онегина», — писал в октябре 1824 г. Пушкин кн. В. Ф. Вяземской (*Пушкин А. С. Переписка* / Под ред. В. И. Сайтова. СПб., 1906. Т. 1. С. 137 [XIII, 114]).

торый давал на водку за услуги даже собственным своим людям; ведет себя весьма просто и никого не обижает; люди не могут нахвалиться своим барином“, — вторит содержатель гостиницы.

Близость к простому народу, какие-то разговоры с крестьянами, посещение ярмарок в Святогорском монастыре, интерес к народным песням, конечно, тоже интриговали помещиков и даже послужили основанием для легендарного предания об участии Пушкина в хоре слепцов и заарестовании его исправником, не узнавшим поэта¹. Соседние помещики, не понимая, что мог поэт получать от крестьян, могли только сделать предположение, что Пушкин сблизается с ними в целях распространения своих „возмутительных“ произведений. По крайней мере, посланный Бошняк получил ответ: „никаких песен он не поет и никакой песни им в народ не выпущено“.

Окончательно приводил в недоумение совершенно необычный для дворянина костюм Пушкина: русская рубашка, розовый пояс, соломенная широкополая шляпа и железная трость в руках — фигурируют во всех ответах лиц, знавших и встречавших поэта. Досужие умы, любившие вести „благоразумные разговоры“

О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне, —

недоумевали, чем можно объяснить все эти странные поступки опасного молодого соседа. И, конечно, ссылка на юг России и высылка на жительство под надзор полиции, в имение, создали Пушкину среди Псковских помещиков совершенно определенную репутацию автора „возмутительных и вольных“ стихотворений. Большинство произведений тогдашней „потаенной“ литературы связывалось с его именем, и недаром Пушкин бросил в письме к Вяземскому раздраженную фразу: „Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова“².

Все эти толки-сплетни о странных поступках Пушкина после 14 декабря 1825 г. получили в глазах перепуганных и мало что понимавших „Пустяковых, Зарецких, Буяновых, Петушковых“ до некоторой степени логическое объяснение. Политический заговор декабристов, близость Пушкина к многим из них, „вольные его стихотворения“ и близкое отношение к крестьянам были поставлены в

¹ Яцимирский А. И. Святые Горы, место вечного упокоения Пушкина // Пушкин А. С. Соч. / Под ред. С. А. Венгерова. Т. 6. С. 326—327.

² XIII, 286.

тесную связь, — и о Пушкине стали говорить как о человеке, возбуждающем крестьян к вольности. Вероятно, случайный разговор П. С. Пушина сделал известным эти досужие слухи в Петербурге и вызвал необходимость назначить особое расследование о поступках Пушкина; тем более, что правительство, отыскивая следы влияния декабристов на крестьян, не могло оставить без внимания слухов о „возбуждении крестьян к вольности“ столь известным своим злонамеренным поведением сосланным поэтом.

К счастью для поэта, — пишет А. А. Шилов, — проверка, осторожно произведенная опытной рукою доверенного человека, выяснила всю неосновательность этих вымыслов. Расследование, произведенное среди крестьян и содержателей гостиниц и постоялых дворов (хозяин Новоржевской гостиницы, крестьянин Святогорской слободы, хозяин постоялого двора в той же слободе, крестьянин удельной деревни Губиной), решительно опровергло все слухи о сочинении „возмутительных песен“, а тем более о возбуждении крестьян и даже выставило поэта в удивительно мягком и привлекательном свете. Зато местные чиновники и помещики, знавшие и встречавшиеся с Пушкиным (уездный судья Толстой, смотритель по винной части Трояновский, уездный заседатель Чихачев, предводитель дворянства Львов, П. С. Пушин), в своих отзывах не пожалели темных красок при характеристике Пушкина: „Яд, разлитый его сочинениями, показывает, сколь человек, при удобном случае, мог быть опасен“; „Пушкин — говорун, часто взводящий на себя небывалые“; он „так болтлив, что никакая злонамеренная шайка не решится его присвоить“; что он „человек, желающий отличить себя странностями, но вовсе неспособный к основанному на расчете ходу действия“. Но и они вынуждены были опровергнуть подозрение в возбуждении крестьян и в „поступках, ко вреду государства устремленных“.

Таким образом, никаких открытий не удалось сделать, и надвигавшаяся вплотную на ничего не подозревавшего Пушкина гроза в виде ловкого самозванца-ботаника, специалиста по розыскным делам, и фельдъегеря Блинкова, несколько дней дожидавшегося на почтовой станции намеченной жертвы с открытым листом об аресте, на этот раз пронеслась мимо: Пушкин „действительно не может быть почтен, по крайней мере поныне, распространителем вредных в народе слухов, а еще менее — возмутителем“, — заканчивает свою „Записку о Пушкине“ А. К. Бошняк.

Весьма возможно, — пишет А. А. Шилов, — что негласный розыск, по времени совпадающий с подачею Пушкиным, через Псковского губернатора Бор. Ант. Адеркаса, всеподданнейшего прошения о снятии опалы, и благоприятные для Пушкина результаты расследования могли ускорить удовлетворение его просьбы. 30 июля 1826 г. прошение было послано Министру Иностранных Дел графу К. В. Нессельроде, а 31 августа того же года Б. А. Адеркасу было уже отправлено требование дежурного генерала Главного Штаба И. И. Дибича — немедленно доставить Пушкина в Москву с нарочным фельдъегерем, причем „г. Пушкин мог ехать в своем экипаже свободно, не в виде арестанта“¹).

* * *

Второй упомянутый нами выше документ той же эпохи, нашедшийся в Архиве III Отделения, известная записка «Нечто о Царско-сельском Лицее». Чистовая рукопись ее, писанная рукою писаря-каллиграфа для представления императору Николаю на прочтение, хранилась в секретном отделе Военно-Ученого архива Главного Штаба, с пометою на ней: «Единственно для высочайшего сведения»²; основываясь на черновой подлинной рукописи этой записки, сохранившейся в секретном архиве того же Архива III Отделения (под № 1123) вместе с запискою об «Арзамасе», мы можем сообщить более исправный текст ее и, что еще важнее, с достоверностью установить по почерку автора обеих: это был не кто иной, как пресловутый издатель «Северной пчелы» — Фаддей Булгарин, ретиво помогавший III Отделению, особенно в начале его деятельности, — по-видимому, как доброволец-осведомитель, а не как наемный агент сыска, — и выказавший себя в этих записках убежденным «гасителем»³. Обе записки, как мы сказали, — черновые, «брульоны», написаны обе «с маху», со многими поправками и зачеркнутыми целыми абзацами: они, по-видимому, послужили лишь материалом для представленного через Дибича мемуара, подвергшись при этом некоторым редакционным сокращениям под опытной рукой фон Фока. В виду тесной связи этих записок (а особенно — конца первой) с дальнейшею судьбою лицеиста Пушкина, из которого и сам Бенкен-

¹ XIII, 293.

² *Кобеко Д. Ф.* Императорский Царскосельский лицей, СПб., 1911. С. 256.

³ О Булгарине см. очерк М. К. Лемке в его книге «Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия» (СПб., 1904. С. 369—427).

дорф, и его помощники столь старательно искореняли и вытравливали ненавистный им, как и Булгарину, «лицейский дух», а также потому, что в автографах Булгарина они представляют очень значительные дополнения к известному в печати тексту и притом дают возможность восстановить то, что автором было написано, но затем зачеркнуто, — мы приводим обе записки полностью.

1.

НЕЧТО О ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ ЛИЦЕЕ И О ДУХЕ ОНОГО

Что значит Лицейский дух. — Откуда и как он произошел. — Какие его последствия и влияние на общество. — Средства к другому направлению юных умов и водворению истинных монархических правил

1. Что значит Лицейский дух. В свете называется Лицейским духом, когда молодой человек не уважает старших, обходится фамильярно с начальниками, высокомерно с равными, презрительно с низшими, исключая тех случаев, когда для фанфаронады надобно показаться любителем равенства. Молодой вертопрах должен при сем порицать насмешливо все поступки особ, занимающих значительные места, все меры правительства, знать наизусть или сам быть сочинителем эпиграмм, пасквилей и песен предосудительных на Русском языке, а на Французском — знать все самые дерзкие и возмутительные стихи и места самые сильные из революционных сочинений. Сверх того он должен толковать о конституциях, палатах, выборах, парламентах; казаться неверующим христианским догматам и более всего представляться филантропом и Русским патриотом. К тому принадлежит также обязанность насмехаться над выправкою и обучением войск, и в сей цели выдуманно ими слово шагистика. Пророчество перемен, хула всех мер или презрительное молчание, когда хвалят что-нибудь, суть отличительные черты сих господ в обществах. Верноподанный значит укоризну на их языке, европеец и либерал — почетные названия. Какая-то насмешливая угрюмость вечно затемняет чело сих юношей, и оно проясняется только в часы буйной веселости.

Вот образец молодых и даже многих не молодых людей, которых у нас довольно число. У лицейских воспитанников, их друзей и приверженцев этот характер называется в свете: Лицейский дух. Для возмужалых людей прибрано другое название: *Mépris souverain pour le genre humain*¹, а в сокращении *mépris*²; для третьего разряда, т. е. сильных крикунов, — просто либерал. Например: каков тебе кажется такой-то? Хорош, но с Лицейским душком, или, хорош, но *mépris* или прямо: либерал.

¹ Полное презрение к человеку (франц.).

² Презиратель (франц.).

2. Откуда и как он произошел? Первое начало либерализма и всех вольных идей имеет зародыш в религиозном мистицизме секты Мартинистов, которая в конце царствования императрицы Екатерины II существовала в Москве, под начальством Новикова, и даже имела свои ложи и тайные заседания. Иван Владимирович Лопухин, Тургенев (отец осужденного в Сибирь)¹, Муравьев (отец Никиты, осужденного) и многие лица, которые здесь не упоминаются, сильно содействовали Новикову к распространению либеральных идей посредством произвольного толкования Священного писания, масонства, мистицизма, распространения книг иностранных вредного содержания и издания книг чрезвычайно либеральных на Русском языке. Хотя сих последних осталось весьма немного, но о истреблении оных должно поручить попечение людям умным, расторопным и благомыслящим — независимо от какой-нибудь министерской власти. Подобные комиссии поручаются обыкновенно людям, служащим по Министерству Просвещения, где менее всего находится людей сведущих, умеющих различить пользу от вреда и знающих Русскую библиографию. Из желания выслужиться, они бросаются на какие-нибудь фразы и вместо пользы для правительства производят соблазн и вред. Об этом в другом месте поговорим подробнее.

Когда Новиков был сослан в Сибирь (sic! — *Б. М.*) и секта его рушилась, рассеянные адепты стали по разным местам отдельно проповедовать его учение. Тургенев был Попечителем Московского Университета, находился в дружбе с Мих. Никитичем Муравьевым и рекомендовал ему многих молодых людей своего образования, которых сей последний пускал в ход, по своим связям. Другие делали то же, — и вскоре люди, приготовленные неприметно, большая часть сами не зная того, взяли перевес в свете и по службе, и по отличному своему положению, стоя, так сказать, на первых местах картины, сделались образцами для подражания. Новикова и Мартинистов забыли, но дух их пережил и, глубоко укоренившись, производил беспрестанно горькие плоды. Должно заметить, что план Новиковского общества был почти тот же, как Союза благоденствия, с тою разницею, что Новиковцы думали основать малую республику в Сибири, на границе Китая, и по ней преобразовать всю Россию.

Французская революция была благотворною росой для сих горьких растений. Ужас, произведенный ею, исчез, — правила остались и распространились множеством выходовцев, коим поверяли воспитание и с коими дружились без всякого разбора. Кратковременное царствование императора Павла Петровича не погасило пламени, но покрыло только пеплом. Настало царствование императора Александра, и новые обстоятельства дали новое направление сему духу и образу мыслей.

¹ Записка Булгарина, следовательно, написана была после 13 июля 1826 г., т. е. после приведения в исполнение приговора над декабристами.

До 1807 года продолжались различные благие начинания в отношении к воспитанию, к просвещению и государственному управлению. Но как по несчастному стечению обстоятельств не было довольно числа способных людей для управления всеми частями нововведений, то они, при всем благом намерении государя императора, с сего времени начали разрушаться или приняли совсем другое направление. Завели везде народные школы, не имея достаточного числа порядочных учителей и смотрителей, — и от того они не достигли своей цели. Университеты, образованные не в нравах Русских, но на Немецкую ногу, не принесли ожидаемой пользы. В Германии юношество приезжает охотою учиться, и молодые люди живут без надзора на вольных квартирах, посещая по произволу лекции. У нас этот порядок или, лучше сказать, беспорядок имел самое вредное влияние на нравы и образ мыслей. Молодые люди утопали в разврате и вовсе не учились, и если из сего времени вышло несколько образованных людей, то это из Московского Университетского Пансиона, где воспитанники жили под присмотром; из Университета же вышло несколько из Остзейских дворян и несколько бедняков, пристрастных к учению, но весьма мало. Управление Университетов на Германский образец также не принялось в России: чинопочитание исчезло, а науки мало подвинулись вперед. Словесность и науки представляют едва несколько ученых из всего этого огромного заведения и ни одного литератора.

Неспособность некоторых частных лиц исказила прекрасное учреждение Министров¹. Вместо того, чтобы посредством министерской власти содействовать успехам различных частей государственного управления, вместо того, чтобы министр, держа в руке последнее звено электрической цепи, мог по произволу сообщать движение всей массе и, обнимая орлиным взглядом целое, наблюдать за ходом машины, — все действие министров ограничилось подписыванием бумаг, мелочами, деталями, а все действия чиновников — производством бумаг, получением и отправлением оных. Переходя от одной мелочи к другой, занимаясь пустою перепискою, министры пренебрегали общими видами, усовершенствованиями, ходом, направлением дел. Корыстолюбцы, интриганы и пролазы воспользовались этим и замешали более дела, чтобы, как говорится, в мутной воде ловить рыбу. Главное внимание обращалось на то, чтобы все было по штату и на бумаге, о настоящем заботились только те, которые имели в том личные свои выгоды. Из сего произошло то, что теперь уже сделалось известным мудрому нашему монарху. В просвещении — пренебрежено главнейшее: воспитание и направление умов к полезной цели посредством литературы². [В финансах — упадок кредита, торговли и фабрик, истребление государственных лесов, недо-

¹ Было написано: «Неспособность некоторых министров и учреждение излишнее бюрократии испортили сие прекрасное учреждение».

² Дальнейший абзац зачеркнут и нами здесь взят в прямые скобки.

верчивость в сделках с правительством, питьевая система, гильдейское положение и т. п. В юстиции — взятки, безнравственность, решение и двойное, тройное перерешение дел по протекциям, даже после высочайшей конфирмации. В Министерстве Внутренних Дел — совершенный упадок полиции и безнаказанность губернаторов и всех вообще злоупотреблений. В Военном Министерстве — расхищения. Возник всеобщий ропот, который был приглушен громом оружия. Наступил мир. Почти целое юношество, возвратясь из-за границы, начало сравнивать, судить, толковать, перетолковывать и, не видя или не постигая или даже не желая видеть, что все зло произошло не от порядка вещей, а от недостатка способных людей, все приписывало дурному учреждению порядка вещей. Никто не заботился направлять общее мнение, воспитывать, так сказать, взрослых людей, доказать им, что Россия по составу своему, по обширности, по малонаселенности, по разнообразию народов, по недостатку всеобщего просвещения неспособна принять образа правления, выхвального в иностранных государствах. Вредное дерево росло на открытом воздухе: почва его тучнела от разглашения различных злоупотреблений, которые были общим предметом разговоров и суждений]. О других Министерствах здесь упоминать не место.

Во время самой сильной ферментации умов, в 1811 году новозаведенный Лицей наполнился юношеством из хороших фамилий. Молодым людям преподавали науки хорошие профессора, их одевали чисто, помещали в великолепных комнатах, кормили прекрасно, — но никто не позаботился, даже не подумал, что этому новому рассаднику должно было дать свет и влажность в одинаковой пропорции и не оставлять одни произрастения расти в тени, а другие — на солнце, одни на тучной, другие на бесплодной земле. Все это предоставлено было случаю. Никто не взял на себя труда испытать нравственность каждого ученика (а их было весьма не много), узнать, в чем он имеет недостаток, какую главную страсть, какой образ мыслей, какие понятия о вещах, чтобы, истребляя вредное в самом начале, развить понятия в пользу настоящего образа правления и к сей цели направлять все воспитание юношества, назначенного занимать важные места и по своему образованию давать тон между молодыми людьми. Это именно ускользнуло от наставников, — впрочем, людей добрых и благомысленных.

В Царском Селе стоял Гусарской полк, там жилось летом множество семейств, приезжало множество гостей из столицы, — и молодые люди постепенно начали получать идеи либеральные, которые кружили в свете. Должно заметить, что тогда было в тоне посещать молодых людей в Лицее; они даже потихоньку (т. е. без позволения, но явно) ходили на вечеринки в дома, уезжали в Петербург, куликались с офицерами и посещали многих людей в Петербурге, игравших значительные роли, которых я не хочу называть. В Лицее начали читать все запрещенные книги, там находился архив всех рукописей, ходивших тайно по рукам, и, наконец, пришло к тому, что

если надлежало отыскать что-либо запрещенное, то прямо относились в Лицей.

После войны с французами (в 1816 и 1817 годах) образовалось общество под названием Арзамасского. Оно было ни литературное, ни политическое в тесном значении сих слов, но в настоящем своем существовании клонилось само собой и к той, и к другой цели. Оно сперва имело в намерении пресечь интриги в словесности и в драматургии, поддерживать истинные таланты и язвить самозванцев-словесников. Члены общества были неизвестны или хотя известны всем, но не объявляли о себе публике; но общество было *явное*. Оно было шуточное, забавное, и во всяком случае принесло бы более пользы, нежели вреда, если б было направляемо кем-нибудь к своей настоящей цели. Но как никто о сем не заботился, то Арзамасское общество без умысла принесло вред, особенно Лицею. Сие общество составляли люди, из коих почти все, за исключением двух или трех, были отличного образования, шли в свете по блестящему пути и почти все были или дети членов Новиковской мартинистской секты, или воспитанники ее членов, или товарищи и друзья и родственники сих воспитанников. Дух времени истребил мистику, но либерализм цвел во всей красе! Вскоре это общество сообщило свой дух большей части юношества и, покровительствуя *Пушкина* и других Лицейских юношей, раздуло без умысла искры и превратило их в пламень. Не упоминая о членах Арзамасского общества, ибо многие из них вовсе переменили образ мыслей и стоят на высоких степенях¹.

И так, не науки и не образ преподавания оных виновны в укоренении либерального духа между Лицейскими воспитанниками. Во-первых, политические науки преподавались в Лицее весьма поверхностно и мало; во-вторых, едва несколько слушали прилежно курс политических наук, и те именно вышли не либералы, как, например, Корф и другие; либеральничали те, которые весьма дурно учились и, будучи школьниками, уже хотели быть сочинителями, судьями всего, — одним словом, созревшими. Профессоры Кайданов, Кошанский, Куницын, — все люди добрые, образованные и благонамеренные; они почли бы себе за грех и за преступление толковать своим ученикам то, чего не должно. Но направление (*impulsion*) политическое было уже дано извне, и профессоры, беседуя с учениками только в классах, не только не могли переделать их нравственности, но даже затруднялись с юношами, которые делали им беспрестанно свои вопросы, почерпнутые из политических брошюр и запрещенных книг. Весьма вероятно, что составившееся в 1816 году Тайное общество, распространив вскоре круг своего действия на Петербург, имело умышленное и сильное влияние на Лицей. Начальники Лицея, под предлогом *благородного обхождения*, позволяли юно-

¹ Булгарин, конечно, имеет в виду С. С. Уварова, Д. В. Дашкова, Д. Н. Блудова, А. И. Тургенева, П. И. Полетику, В. А. Жуковского и других членов «Арзамаса», в 1826 г. занимавших видные служебные посты. — *Б. М.*

шеству безнаказанно своевольничать, а на нравственность и образ мыслей не обращали ни малейшего внимания. И как с одной стороны правительство не заботилось, а с другой стороны частные люди заботились о делании либералов, то дух времени превозмог — и либерализм укоренился в Лицее, в самом мерзком виде. Вот как возник и распространился Лицейский дух, который грешно назвать либерализмом! Во всех учебных заведениях подражали Лицею, и молодые люди, воспитанные дома, за честь поставляли дружить с Лицейскими и подражать им.

3. *Какие последствия и влияния его на общество?* Молодые люди, будучи не в состоянии писать о важных политических предметах, по недостатку учения, и желая дать доказательство своего вольнодумства, начали писать пасквилы и эпиграммы противу правительства, которые вскоре распространялись, приносили громкую славу молодым шалунам и доставляли им предпочтение в кругу зараженного общества. Они водились с офицерами гвардии, с знатными молодыми людьми, были покровительствованы Арзамасцами и членами Тайного общества, шалили безнаказанно, служили дурно и, за дурные дела пользуясь в свете наградами и уважением, тем давали самое пагубное направление обществу молодых людей, которые уже в домах своих не слушали родителей, в насмешку называли их верноподданными и почитали себя преобразователями, детьми нового века, новым поколением, рожденным наслаждаться благодеяниями своего века. Все советы были тщетны. Они почитали себя выше всех¹. «Дух Журналов» был отголоском их мнения — может быть и неумышленно.

4. *Средства к другому направлению юных умов и водворению истинных монархических правил.* Если кто хочет переменить течение ручья, то должен начинать его у самого истока; лестницу должно мести с верхних ступеней. Для истребления чего-либо не довольно приказать, чтобы исполняли новые правила, — надобно выбрать исполнителей и наблюдать за ними, а не то — новое положение останется только в наружности и на бумаге. Ныне нельзя уже употреблять тех средств, которые пригодились бы лет 30 тому назад или даже 15. Если стадо бежит вперед, то пастырю нельзя остановить его или воротить, не двигаясь с места: надобно, чтобы он забежал вперед и чтобы имел искусных и послушных псов. Правительству также надобно подвигаться вперед и действовать сообразно с духом времени и с понятиями тех, коих должно поставить на истинный путь. Первый шаг уже сделан: мудрый государь наш начал пещись о воспитании. Дай бог, чтобы, ему удалось выбрать на *безлюдьи* хороших начальников учебных заведений. Но у нас нет вовсе педагогов, и один только счастливый случай может указать полезных людей, которые бы с искусством исполняли благие виды государя.

¹ Во всей этой тираде чувствуются несомненные намеки на Пушкина и на друзей его молодости. — Б. М.

Ныне наступил век убеждения, и чтобы заставить юношу думать, как должно, надобно действовать на него нравственно. Но пример лучше покажет недостатки средств и меры, кои должно употреблять.

Несколько лет тому назад воспитанник Виленской Гимназии, Платер, написал на доске: «*Виват, да здравствует Конституция 3 Мая!*» В России это вышло бы из обыкновенного порядка вещей, но в Польше, где каждый помнит прежний порядок вещей и толкует о нем, вещь эта не была сама по себе удивительною. Принявшись поправлять, испортили дело... Это случилось именно в день 3 Мая. Один учитель донес о сем; всех школьников разогнали, Платера отдали в солдаты, наставников удалили — и сделали то, что юноши, которые прежде не думали о Конституции 3 Мая, почли ее священной вещью, а себя — мучениками! Родители и учителя превратились в недовольных, и дух, усыпленный прежде, возник и распространился со вредом для правительства, без пользы для правительства, без пользы для юношества. Я бы сделал так: 1) Сперва узнал бы я, откуда родилась в голове юноши идея прославлять Конституцию? Если в училище, то от кого; если из дома, то в каком виде сообщилась ему. 2) Я бы удостоверился, способен ли мальчик к принятию других идей. 3) Сделано ли сие по мгновенному порыву юности, или с целью? Исследовав сие, я бы решил: должно ли изгнать мальчика, не возбуждая в других сильного к нему участия, или оставить его и перевоспитать. Я бы не сказал: не делайте и не говорите, а не то — выгоноу и высеку. За другие шалости можно так обходиться, но где действует мысль и убеждение, там должно противодействовать убеждением. Я уверен, что этим я бы не истребил зла, — сделал бы только лицемеров и упустил бы из виду зло, за которым мне надлежало наблюдать. Я бы взял на себя труд заняться направлением юных умов, сбившихся с истинного пути. Я бы растолковал юношам, что географическое пространство России, смешение различных народов, малонаселение, степень просвещения — требуют настоящего образа правления; поставил бы в пример падение конституционной Польши и возвышение самодержавной России, — словом, согрел бы юные умы историческими примерами, великими видами на попрание монархическом и, вероятно, будучи умнее и учнее воспитанников, убедил бы их в противном и искоренил зло в самом его начале. Если б я удостоверился тайно, что труды мои тщетны, — тогда бы распустил учеников и набрал новых.

Вообще с юношеством гораздо легче ладить, нежели с взрослыми: стоит только заняться их нравственностью, привязать к себе ласкою и строгим правосудием, а не заниматься одною механическою частию учения. Нынешние начальники Лицея — люди добрые и благонамеренные, но неспособные к великому делу преобразования духа и образа мыслей. Ученики не любят их, не уважают и не имеют к ним доверия. В целой России я вижу *одного* только способного к тому человека, — это именно: полковник *Броневский*, Инспектор классов Тульского Училища, которое всем обязано ему

одному¹. Колзаков там Директором для формы. Я читал замечания Броневского обо всех корпусах и военных училищах в Петербурге; он показывал мне это *по доверенности*. Чудная вещь! Броневский — человек необыкновенно умный и совершенно знает свое дело. Это единственный педагог, которого можно употребить для преобразования. Он отменно привязан к царской фамилии и со слезами непритворными рассказывал мне о наследнике престола. Он беден — и это одно заставит его переселиться сюда или куда угодно.

Для истребления Лицейского духа в свете должно, во-первых, употребить благонамеренных писателей и литераторов, ибо все это юношество льнет к словесности и к людям, имеющим на оную влияние. В новом Цензурном Уставе² находится одна важная погрешность, препятствующая преобразованию мыслей, — погрешность, с первого взгляда неприметная: там сказано, что все писатели *должны непременно*, под лишением собственности, стараться направлять умы к цели, предназначенной правительством. Это надлежало *делать*, но не *говорить*, потому что сим средством истребляется доверенность к правительству и писателям, и юношество не станет ничему верить, что писано будет по-русски, полагая, что все пишется не по убеждению, не по соображению ума, а по приказу. Надлежало бы заставить писателей доказывать, рассуждать и убеждать силою красноречия. По нынешнему Уставу этого делать нельзя, ибо каждый может перетолковать как ему угодно фразу и посредством интриги сделать несчастье человека самого благонамеренного: сим Уставом писатели и журналы подчинены безусловной воле министра, который может одним словом запрещать издания и книги. Прежде это делалось не иначе, как с высочайшего повеления, а писатели и публика были спокойны и не боялись интриг, влияний на министра его приближенных и т. п.³

Должно также давать занятие умам, забавляя их пустыми театральными спорами, критиками и т. п. У нас, напротив того, всякий бездельный шум в свете от критики возбуждает такое внимание, как какое-либо возмущение. И вместо того, чтобы умным и благомыслящим людям радоваться, что в обществах занимаются безделицами с важностью, — начальники по просьбам актрис или подчиненных им авторов тотчас запрещают писать, преследуют автора и цензора за пустяки, — и закулисные гнусные интриги налагают мертвое молчание на журналы. Юношество обращается к другим предметам и, недовольное мелочными притеснениями, сгоняющими их с поприща литературного действия, мало-помалу обращается к порицанию

¹ Хотя и значительно позже (в апреле 1840 г.) генерал-майор Дмитрий Богданович Броневский был назначен Директором Лицея.

² Т. е. Уставе 10 июня 1826 г., так называемом шишковском.

³ Здесь и далее Булгарин, несомненно, говорит уже и про *domo sua*, как писатель и издатель «Северной пчелы».

всего, к изысканию предметов к порицанию, наконец, — к политическим мечтам и — погибели.

Должно знать всех людей с духом Лицейским, наблюдать за ними, исправимых — ласкать, поддерживать, убеждать и привязывать к настоящему образу правления; возможность этого доказывается членами Арзамасского общества, которые, будучи все обласканы Правительством, сделались усердными чиновниками и верноподданными¹. Неисправимых — без соблазна (*sans scandal et sans éclat*²) можно растасовывать по разным местам государства обширного на службу, удаляя их только от пороховых магазинов, то есть от войска в бездействии и от легионов юношей, служащих для виду при Министерствах и толпящихся в столицах вокруг порицателей (*frondeurs*) и крикнув. Должно стараться, чтобы крикуны и недовольные не имели средоточия действия, мест собраний; должно пресечь их влияние на толпу — и они будут неопасны. С действующими противозаконно и явными ругателями — другое дело, — об этом не говорится.

Должно бы истребить весьма легкое переходение в дворянство — с чином 8 класса. Множество дворян без имени и без собственности унижает звание, почетное в монархии, и рождает толпы беспокойных, которые имеют в виду многое, не опасаясь потерь. Это — важное обстоятельство, требующее особенного внимания.

Действуя и поступая таким образом, с развитием во всей обширности всего того, о чем здесь только говорено намеками, я уверен, что в десять лет Россия будет тем, чем была в среднее время царствования императрицы Екатерины II, — славная, сильная, с просвещением, без идей революционных. Честолюбию и славолюбию будут открыты поприща; стоит ввести юношество на путь, — оно пойдет по нем с радостью и увлечет за собою все дворянство.

Урок и наставления Булгарина, данные в этой записке, не прошли бесследно, и агенты III Отделения к ним, несомненно, прислушались. По отношению, в частности, к Пушкину, в это время жившему еще в ссылке, решено было поступить по второму пункту рецепта-панацеи Булгарина: поэта, одержимого несомненным «Лицейским духом», положено было, как дававшего еще надежду на «исправление», «приласкать», — для чего вызвать к царю, а затем — «следить» за ним, «поддерживая», «убеждая» и «привязывая к настоящему образу правления», — в надежде сделать из него нового арзамасца-сановника.

¹ Здесь, как и выше, Булгарин имеет в виду сановников-арзамасцев: Уварова, Блудова, Дашкова, Тургеневых, Северина, Вигеля, Жихарева и др.

² без скандала и огласки (*франц.*).

Записка Булгарина об «Арзамасе» была составлена в следующих выражениях, развивавших положения, высказанные вскользь в записке о «Лицейском духе»:

2.

Арзамасское общество не было вовсе Политическое, не имело никакого образования, ни устройства, не было тайным, а потому бывшие его члены ни в каком случае не могли упоминать о нем при подписке, данной Правительству о знании или участии в тайных обществах.

О сем Арзамасском обществе упомянуто было в Записке о Лицее для того только, что некоторые его члены имели влияние на дух Лицейских воспитанников. Арзамасское общество возникло от раздраженного самолюбия. Когда, по проискам актрис и князя Тюфякина, запрещено было писать о театре, а между тем некоторые драматические писатели, а именно: князь Шаховской, Загоскин и другие, начали выводить на сцену неприязненных им людей (даже кроткого Жуковского князь Шаховской выставил в комедии «*Лицецкие воды*»)¹, то Уваров, Тургенев и другие составили союз или общество, названное (по вотчине одного из них в Арзамасе) Арзамасским. Туда собирались читать критики, а после — сатиры и эпиграммы на театральные пьесы и авторов. Вскоре Арзамасское общество вооружилось противу всех противников Карамзина и его школы и противу всех писателей, не желавших явно содействовать обществу. Оно критиковало также все так называемые старообрядческие, славофильские сочинения, то есть Шишкова, Шихматова и их приверженцев. И так *не общество* имело влияние на дух Лицея, но *некоторые люди*, принявшие в свой круг *Пушкина*, Кюхельбекера и других Лицейских студентов. Главная характеристическая черта членов Арзамасского общества, по которой и теперь можно отличить их между миллионами людей, есть: чрезвычайно надменный тон, резкость в суждениях, самонадеянность. Все это называется теперь: *Mépris souverain pour le genre humain*. Этими словами означали членов Арзамасского общества, исключая некоторых скромных, двух или трех — не более. Сергей Семенович Уваров и Николай Тургенев суть два прототипа духа сего общества. Все, что не ими выдуманно, — *дрянь*; каждый человек, который не пристаёт безусловно к их мнению, — *скотина*; каждая мера правительства, в которой они не принимают участия, — *мерзкая*; каждый человек, осмеливающийся спорить с ними, — *дурак* и *смешон*. Вот какими выражениями они изъяснялись без обиняков. С равными они относились несносно и надменно, с низшими — как с черными невольниками, высших всех ругали без памяти *за глаза* и представляли в эпиграмматическом виде. Между тем, когда надлежало искать, то и надменные Катоны *изгибались*. Уваров сам примеривал кокошники

¹ Карамзин выставлен был очень умно и забавно в комедии «Новый Стерн» (примеч. Ф. В. Булгарина).

и сарафаны мамкам Канкринна, а Николай Тургенев нашел, что у Аракчеева *прекрасное Русское лицо*, когда он доставил ему 1000 черв. на дорогу! Этот несносный тон, это фрондерство всего святого, доброго и злого в смеси, без различия, по одним страстям, заразило юношество, как было о сем упомянуто в Записке о Лицее. Из двадцати юношей в обществе тотчас можно узнать Лицейских воспитанников первого времени. Голова вверх, гордый взгляд, надменный тон, резкость в речах, ответы вроде приговоров, вопросы в виде повелений. Все они почитают себя рожденными не в свое время, выше своего века, гениями! Все они вылиты в форму главных членов Арзамасского общества Уварова и Тургенева (Николая). Такая самонадеянность и гордость в молодых годах порождает неуместное честолюбие, желание новости и увлекает юношей на все пути, где они видят для себя возвышение и где полагают дать обширный круг деятельности своему уму. Если б только правительство хотело, — все можно употребить в свою пользу, и для сего надобно только одной деятельности. Но о сем будет впоследствии изложено подробно. Итак, вот в каком отношении Арзамасское общество было вредно! То есть некоторые члены общества. Общество не имело *ни малейшей политической цели*; но как правительство не заботилось о том, чтобы каждому обществу дать *свое* направление, *свою* цель, то некоторые члены отдельно приготавливали порох, который впоследствии вспыхнул от буйного пламени Тайного общества. Арзамасское общество умерло своею смертью; когда кончилась *причина*, кончилось и *действие*. Великое и мудрое правило для искоренения всего злого. Покойный государь приехал к графине Софье Владимировне Строгановой и она сказала ему, что во время его отсутствия (в 1815 г.) запрещено писать о театре. Государь не хотел верить, после смеялся долго над этою мерою и велел тотчас снять запрещение. *Le combat finit faute de combattants*: загорелась война в журналах, — и Общество Арзамасское рушилось само собою. Когда запрещают печатать, то пишут тайно. Много, много было беды от закулисных интриг, будет еще, если правительство не возьмет эту часть в надзор и в употребление высшей полиции. Dixi!

Эта записка, в которой, как и в первой, был нарочито назван Пушкин, тоже, конечно, не прошла для него бесследно и способствовала определению того курса, который был принят по отношению к поэту-арзамасцу, да еще насквозь пропитанному «Лицейским духом». Дальнейшие выписки из секретных *dossiers* Архива III Отделения покажут нам, как внимательно следили за Пушкиным в это время.

* * *

В ночь с 3 на 4 сентября 1826 г. Пушкин был увезен из Михайловского, в сопровождении фельдъегеря, в Москву, где его пожелал видеть император Николай, только что принявший коронование.

Восьмого сентября он был в первопрестольной столице, где и был представлен Государю. Отмечая в своих «bulletins» все выдававшиеся из ряда происшествия, фон Фок не обошел молчанием и этого события, — и в сентябрьских сообщениях его мы уже встречаем писанную его прелестным бисерным почерком записку, имеющую № 594 и дату «Le 17 Septbr», следующего содержания:

«Pouschkin, l'auteur, a été mandé à Moscou. En partant de Pleskow, il a écrit à son ami intime et camarade de Collège Delwig, pour lui annoncer cette nouvelle et lui demander un envoi d'argent qu'il voulait employer pour des parties fines et pour sabler du champagne¹. — Cet individu est connu généralement pour être un *philosophe*, dans toute la force du terme, donc, pour professer un égoïsme systématique, avec un mépris des hommes, un dédain des sentiments comme des vertus, enfin une volonté active de se procurer les jouissances de la vie aux dépens de tout ce qu'il y a de plus sacré. C'est un ambitieux, consumé par la faim du désir, qui, observe-t-on, a une si mauvaise tête qu'on sera obligé de le morigéner à la première occasion. On dit que le Souverain lui a fait un accueil gracieux et qu'il ne justifiera pas les bontés que Sa Majesté a eu pour lui»².

Агент Локателли доносил фон Фоку в записке без числа³, но около того же времени:

«On assure, que l'Empereur a daigné pardonner au célèbre Пушкин les torts dont ce jeune homme s'est rendu fautif sous le règne de son Bienfaiteur, feu l'Empereur Alexandre. — On dit que Sa Majesté l'a fait venir à Moscou et lui a accordé une audience particulière de plus de 2 heures, qui avait pour but de lui donner des conseils et démonstrations

¹ Это письмо Пушкина, очевидно перлюстрированное на почте, до нас не дошло*.

² «Пушкин, сочинитель, был вытребован в Москву. Выезжая из Пскова, он написал своему близкому другу и школьному товарищу Дельвигу письмо, извещающая об этой новости и прося его прислать ему денег, с тем, чтобы употребить их на кутежи и на шампанское. — Этот господин известен всем за *мудрствователя*, в полном смысле этого слова, который проповедует последовательный эгоизм с презрением к людям, ненависть к чувствам, как и к добродетелям, наконец, — деятельное стремление к тому, чтобы доставлять себя житейские наслаждения ценою всего самого священного. Это честолюбец, пожираемый жаждою вожделений и, как примечают, имеет столь скверную голову, что его необходимо будет проучить при первом удобном случае. Говорят, что государь сделал ему благосклонный прием и что он не оправдает тех милостей, которые его величество оказал ему» (*франц.*).

³ Она находится среди агентских донесений 1827 г. (№ 1134), но относится, несомненно, к сентябрю 1826 г.

paternels. — On se réjouit sincèrement de la généreuse condescendance de l'Empereur qui aura sans doute les plus heureux résultats pour la littérature Russe. On sait que le coeur de Пушкин est bon, — il n'a besoin que d'être guidé; alors la Russie devra se glorifier et s'attendre à de plus belles productions de son génie»¹.

Другим, кроме сыска, орудием в руках фон Фока была издана излюбленная тайной полицией перлюстрация частной корреспонденции; в собрании выписок из писем 1826 г. (Секретный архив, № 842) имеются две, за № 17 и 18, помещенные в обложку с надписью, сделанной фон Фоком: «Включаемые у сего выписки ничего замечательного не представляют. Сергей Львович Пушкин жалуется на сына своего Александра, известного стихотворца». Вот эти выписки:

№ 17. Выписка из письма Сергея Пушкина из С.-Петербурга от 17 октября 1826 года к Василию Львовичу Пушкину в Москву²

Non, mon bon ami, ne croyez pas qu'Александр Сергеевич sente jamais ses torts envers moi. S'il a pu au moment de son bonheur et lorsqu'il ne pouvait pas ignorer que j'ai fait des démarches pour obtenir sa grâce, me renier et me calomnier, — comment supposer qu'il revienne un jour? N'oubliez pas que depuis deux ans il nourrit cette haine que ni mon silence, ni mes procédés pour adoucir son exil n'ont pu diminuer. Il est très persuadé que c'est moi qui dois lui demander pardon, mais il ajoute que si je m'avisais de le faire, il sauterait plutôt par la fenêtre que de me l'accorder. Quant à moi, mon bon ami, je n'ai pas besoin de lui pardonner, puisque je ne demande à Dieu que la grâce de m'affermir dans ma résolution de ne pas me venger. — Je n'ai pas encore pour un seul instant discontinué de faire des voeux pour son bonheur et, comme l'ordonne l'Évangile d'aujourd'hui,

¹ «Уверяют, что император соизволил простить знаменитому Пушкину его ошибки, в которых этот молодой человек провинился в царствование своего благодетеля, покойного императора Александра. — Говорят, что его величество велел ему прибыть в Москву и дал ему отдельную аудиенцию, длившуюся более 2 часов и имевшую целью дать ему советы и отеческие указания. Все искренно радуются великодушной снисходительности императора, которая, без сомнения, будет иметь самые счастливые последствия для русской литературы. Известно, что сердце у Пушкина доброе, — и для него необходимо лишь руководство. Итак, Россия должна будет прославиться и ожидать для себя самых прекрасных произведений его гения» (франц.).

² На ней помета И. И. Дибича, карандашом: «Для объяснений с Г.-А. Бенкендорфом».

j'aime en lui mon ennemi et je lui pardonne si ce n'est en père, puisqu'il me renie, — c'est en chrétien; mais je ne veux pas pu'il le sache: il l'attribuerait à ma faiblesse ou à l'hypocrisie, et ces principes d'oubli des injures que nous devons à la religion lui sont tout à fait étrangères¹.

Другая выписка — из письма того же С. Л. Пушкина и от того же числа — к своему зятю — мужу сестры его Елизаветы Львовны Сонцовой:

№ 18. Выписка из письма с подписью Serge (Пушкин) из С.-Петербурга от 17 октября 1826 года к Матвею Михайловичу Сонцову в Москву

Ma position est terrible et les chagrins auxquels je m'attends sont incalculables, mais ma résignation et ma confiance en Dieu me restent. Je le prie tous les jours, afin qu'il m'affermisse dans la résolution que j'ai prise — de ne pas me venger et de supporter tout. Je veux bien espérer qu'Alexandre Сергеевич sera fatigué de poursuivre un homme qui se tait et qui ne demande qu'à être oublié. Ce qu'il y a de plus singulier dans sa conduite, c'est que tout en m'insultant et en brisant nos coeurs, il compte retourner à notre campagne et naturellement jouir de tout ce dont il a joui, quand il n'avait pas la liberté d'en sortir. Comment concilier ceci avec la manière dont il parle de moi, car il ne peut pas ignorer que je le sais.

Тургенев Alexandre et Жуковский, pour me consoler, me disoient que je devois me mettre au dessus de ce qu'il disoit de moi; que c'étoit par imitation de Lord Byron, auquel il veut rassembler. Byron detestoit sa

¹ Нет, мой добрый друг, не думай, что Александр Сергеевич почувствует когда-нибудь свою неправоту передо мной. Если он мог в минуту своего счастья и когда он не мог не знать, что я хлопотал о его прощении, отречься от меня и клеветать на меня, — то как возможно предполагать, чтобы он когда-нибудь снова вернулся ко мне? Не забудь, что в течение двух лет он питает ко мне ненависть, которую ни мое молчание, ни то, что я предпринимал для смягчения его изгнания, не могли уменьшить. Он совершенно убежден в том, что просить прощения должен у него я, но он прибавляет, что если бы я и решил это сделать, то он скорее выпрыгнул бы через окошко, чем дал бы мне это прощение. Что касается меня, мой добрый друг, то мне нет необходимости прощать его, ибо я прошу у Бога только милости, чтобы он укрепил меня в моем решении не мстить за себя. Я еще ни на минуту не переставал воссылать мольбы о его счастья и, как повелевает теперешнее Евангелие, я люблю в нем моего врага и прошоаю ему если не как отец, — так как он от меня отрекается, — то как христианин; но я не хочу, чтобы он знал об этом: он припишет это моей слабости или лицемерию, ибо те принципы забвения обид, которыми мы обязаны религии, ему совершенно чужды. (Франц.)

femme et en parloit mal partout. Александр Сергеевич m'a choisi pour sa victime; mais ces raisonnements ne sont pas consolants pour un père, si je puis encore me nommer ainsi. Au reste je repète encore une fois: qu'il soit heureux, mais qu'il me laisse tranquille¹.

Следующая выписка была сделана тайной полицией из письма лица, оставшегося, к сожалению, не выясненным перлюстраторами; письмо шло из Москвы, где тогда находился на свободе, уже два месяца, Пушкин.

№ 32. Выписка из письма без подписи из Москвы от 6 ноября 1826 г. к Графу Михаилу Юрьевичу Виельгорскому в С.-Петербургу²

Вероятно встречу с Пушкиным, с которым и желал бы познакомиться; но с другой стороны слышал так много дурного на счет его нравственности, что больно встретить подобные свойства в таком великом Гении. Он, говорят, несет большую дичь и — публично. Жена Николая В. мне вчера сказала, что Вяземский и Пушкин ждут меня с нетерпением, а по какой причине, — не знаю.

В пачке донесений и писем полковника жандармского полка Ивана Петровича Бибикова к Бенкендорфу (Секретный архив, № 912) находятся две записки, относящиеся тоже к началу ноября 1826 г., то есть ко времени пребывания Пушкина в Москве:

¹ Мое положение ужасно и горести, которых я для себя ожидаю, неисчислимы, но моя покорность провидению и мое упование на Бога остаются при мне. Я прошу его всякий день о том, чтобы он подкрепил меня в принятом мною решении — не мстить за себя и переносить все. Мне очень хотелось бы надеяться, что Александр Сергеевич устанет, наконец, преследовать человека, который хранит молчание и просит только о том, чтобы его забыли. Более всего в его поведении вызывает удивление то, что, как он меня ни оскорбляет и ни разбивает наши сердечные отношения, он предполагает вернуться в нашу деревню и, конечно, пользоваться всем тем, чем он пользовался раньше, когда он не имел возможности отсюда выезжать. Как примирить это с его манерой говорить обо мне, — ибо не может ведь он не знать, что это мне известно.

Александр Тургенев и Жуковский, чтобы утешить меня, говорили мне, что я должен стать выше того, что он про меня говорил, что это он делал из подражания лорду Байрону, на которого он хочет походить: Байрон-де ненавидел свою жену и всюду скверно о ней говорил, а Александр Сергеевич выбрал меня своей жертвой. Но все эти рассуждения не утешительны для отца, — если я еще могу называть себя так. В конце концов повторяю еще раз: пусть он будет счастлив, но пусть оставит меня в покое. (Франц.)

² Помета И. И. Дибича: «Для объяснений с Г.-А. Бенкендорфом».

1) «Je surveille l'auteur P... autant que possible. Les maisons qu'il fréquente le plus souvent sont celles de la P. Zénéide V<olkonsky>, du Prince Viasemsky, le poète, de l'ex-ministre Dmitreff et du procureur Gihareff. Les conversations y roulent, la plupart du tems, sur la littérature. Il vient de composer la tragédie de Boris Godounoff, qu'on a promis de me lire et où, à ce que l'on prétend, il n'y a rien de libéral. Il est vrai que les femmes encensent et gâtent le jeune homme; par exemple, sur le désir qu'il manifestat, dans une société, de prendre du service, plusieurs femmes s'écrièrent à la fois: „Pourquoi servir! Enrichissez notre littérature de vos sublimes productions, et d'ailleurs ne servez-vous pas déjà les niuf soeurs? Existait-il jamais un plus beau service?“ Une autre dit: „Vous servez déjà dans le génie“ et ainsi de suite. — Je ne vous en ai pas parlé jusqu'à présent, car les propos sans conséquence ne feraient qu'absorber un tems précieux“».

2) «Ce 8 Novembre 1826. L'auteur P..., dont j'ai eu l'honneur de Vous parler dans ma dernière lettre, vient de quitter Moscou pour aller dans ses terres de Pskow. — Sa tragédie de Boris Godounoff, qu'un de mes amis a lu, est, dit-on, un chef-d'oeuvre de Poésie. Elle est purement historique, composée dans le genre de celles de Schiller et écrite en vers blancs»¹.

В том же ноябре 1826 г. имя Пушкина снова попало под руку фон Фока по косвенному поводу, — в связи с заинтересовавшею

¹ 1) «Я слежу за сочинителем П<ушкиным>, насколько это возможно. Домá, которые он наиболее часто посещает, суть дома княгини Зинаиды В<олконской>, князя Вяземского (поэта), бывшего министра Дмитриева и прокурора Жихарева. Разговоры там вращаются, по большей части, на литературе. Он только что написал трагедию „Борис Годунов“, которую мне обещали прочесть и в которой, как уверяют, нет ничего либерального. Правда, дамы кадят ему и балуют молодого человека; например, по поводу выраженного им, в одном обществе, желания вступить в службу несколько дам вскричали сразу: „Зачем служить! Обогащайте нашу литературу вашими высокими произведениями, и разве к тому же вы уже не служите девяти сестрам (т. е. музам. — Б. М.)? Существовала ли когда-нибудь более прекрасная служба?“ Другая сказала: „Вы уже служите в инженерах“ (по-французски здесь непереводаемая игра слов. — Б. М.) и тому подобное. Я не говорил Вам об этом до настоящего времени, ибо поводы без последствий лишь поглощали бы драгоценное время».

2) «8 ноября 1826 г. Сочинитель П<ушкин>, о котором я уже имел честь говорить Вам в моем последнем письме, только что покинул Москву, чтобы отправиться в свое псковское имение. Его трагедия „Борис Годунов“, которую один из моих друзей читал, как говорят, поэтическое совершенство. Она — чисто историческая, составлена в стиле трагедий Шиллера и писана белыми стихами» (франц.).

Бенкендорфа личностью А. Д. Илличевского, поэта и лицейского товарища Пушкина. В записке под № 723, писанной Фоком, читаем такое сообщение:

«Le jeune fendant qui a dîné chez l'aide-de-camp Abaza et y a prêché l'égalité, s'appelle Illiczewski. Il est élève du Lycée, d'où il est sorti en même tems avec Pousckin, Pouschtschin et Küchelbecker. Infecté du même mauvais esprit, il a séjourné quelque tems à Paris, où il a fréquenté souvent la maison de madame Narischkin»¹.

Бенкендорф на записке этой сделал следующую заметку карандашом: «Le jeune Очкин qui avait été légèrement compromis dans la grande histoire a rapporté cette conversation»².

Через месяц, в декабрьские «Bulletins» 1826 г., под № 786, была включена записка упомянутого уже выше жандармского полковника И. П. Бибикова, с надписью «Secrète» и следующего содержания:

«Votre Excellence trouvera ci-joint le journal de Михайла Погодин de 1826, où il n'y a aucune tendance libéral: il est purement littéraire. Néanmoins je fais strictement surveiller le rédacteur et je suis parvenu à connaître tous ses collaborateurs que je ferai suivre de même, — ce sont:

1) Пушкин.	4) Раич.
2) Востоков.	5) Строев.
3) Калайдович.	6) Шевырев.

Les pièces que Pousckin lui a fait tenir pour être insérées dans son journal, sont des tirades de sa tragédie de Boris Godounoff, mais qu'il ne peut communiquer à personne, parceque d'après les lois de la rédaction il ne peut pas les faire connaître avant l'impression. Je sais de bonne part cependant que cette tragédie ne renferme rien de contraire au gouvernement.

Le 7 Décemb. 1826»^{3*}.

¹ «Молодой хватунишка, который обедал у флигель-адъютанта Абазы и проповедовал там равенство, называется Илличевский. Он воспитывался в Лицее, откуда вышел одновременно с Пушкиным, Пушкиным и Кюхельбекером. Зараженный тем же бурным духом, как и они, он некоторое время прожил в Париже, где часто посещал дом г-жи Нарышкиной» (франц.).

² «Об этом разговоре передавал молодой Очкин, который был слегка замешан в большом деле», т. е. в деле декабристов). Амплий Николаевич Очкин — писатель, впоследствии редактор академических «Санкт-Петербургских ведомостей».

³ «Ваше Превосходительство найдете при сем журнал Михайлы Погодина за 1826 год, в коем нет никаких либеральных тенденций: он чисто литературный. Тем не менее я самым бдительным образом слежу за редактором и достиг того, что вызнал всех его сотрудников, за коими я также велю следить; вот они:

Затем в течение двух месяцев агенты III Отделения молчали о Пушкине и лишь 5 марта 1827 г. сам начальник 2-го округа корпуса жандармов генерал-майор Александр Александрович Волков доносил Бенкендорфу (в своем втором по вступлении в должность письме), между прочим:

«О поэте Пушкине, сколько краткость времени позволила мне сделать разведании, — он принят во всех домах хорошо и, как кажется, не столько теперь занимается стихами, как карточной игрой и променял Музу на Муху, которая теперь из всех игр в большой моде»¹.

После этого лаконического и претендующего на остроумие сообщения — опять большой перерыв в сообщениях о Пушкине, и только в агентурных сведениях за июль 1827 г. мы находим записку, писанную рукою фон Фока:

«Des vers qu'on attribue à Pouschkin circulent en ville et on les dit par coeur. Les voici tels qu'on me les a répétés²:

Россия, в оба ты гляди!
 Министрам товарищи даны.
 Но от Дашки, от Блуда
 И от Рюрикова уда
 Чего ты можешь ожидать!»

К слову «Рюрикова», подчеркнутому карандашом, Бенкендорф сделал пояснение: «Долгоруков», имея в виду бывшего в 1827—1830 гг. товарищем министра юстиции и управляющим этим министерством «Рюриковича» князя А. А. Долгорукова; под Дашкой и Блудом разумеются арзамасцы Д. В. Дашков³ и Д. Н. Блудов, на-

1) Пушкин.	4) Раич.
2) Востоков.	5) Строев.
3) Калайдович.	6) Шевырев.

Стихотворения Пушкина, которые он ему передавал для напечатания в его журнале, — это отрывки из его трагедии „Борис Годунов“, которые он не может сообщить никому другому, потому что, по условиям Редакции, он не может предавать их гласности ранее напечатания. Из хорошего источника я знаю, однако, что эта трагедия не заключает в себе ничего противоправительственного. 7 декабря 1826» (*франц.*).

¹ Секретный архив, № 980, письмо за № 3. «Муха» или «Мушка» — карточная азартная игра.

² «По городу ходят стихи, которые приписывают Пушкину и которые все твердят наизусть. Вот они в том виде, как их мне повторяли... <...> (*франц.*)

³ Жуковский, любивший и умевший давать своим приятелям прозвища, называл Дашкова «Дашенькой», что было особенно смешно, так как Дашков был человек очень серьезный, сдержанный, даже суховатый.

значенные тогда тоже товарищами министров, первый — внутренних дел, а второй — народного просвещения. Эти скверные стихи, конечно, Пушкину не принадлежали, но приписывались ему, лишний раз подтверждая и оправдывая его собственные слова о том, что «все возмутительные рукописи ходили под его именем, как все похабные — под именем Баркова».

В тех же агентурных сведениях, относящихся тоже к июлю 1827 г., встречаем записку, писанную рукою фон Фока и — по странной случайности — в самый день первой годовщины казни декабристов.

«13 Juillet 1827

La Surveillance n'a pas perdu de vue la conduite et les liaisons du Comte Alexandre Zawadoffski, dont elle a quelque raison de se méfier¹.

Sous le rapport politique on n'a rien observé jusqu'ici, si ce n'est que quelques jeunes badauds y viennent raisonner et fronder, mais sans suite.

La principale occupation de Zawadoffski, pour le moment, est le jeu. Il a loué une maison de campagne au côté de Vibourg, chez Pflug, où se réunissent presque chaque soir les individus suivans et plusieurs autres, moins marquans:

Le Colonel Drouville, officier de mérite, à ce qu'on prétend, mais hableur et fanfaron insupportable.

Le Colonel Гудим-Левкович.

Le Général Lewanski.

Un officier démissionnaire Якунчиков et un certain Вереянов. Joueurs de profession qu'on surveille.

Le P-ce Basile Meschtcherski dont la nomination comme président de la Censure de Moscou a produit, généralement, le plus mauvais effet².

M. Stolipin, Conseiller d'état, qui est dans les fermes d'eau de vie.

Le jeune Poniatowski, de Kieff, fils du fameux fermier, et son camarade le S-r Piniadzek.

¹ В 1817 г., будучи камер-юнкером и поручиком Александрийского гусарского полка, убивший на дуэли Шереметева; в деле этом был замешан и Грибоедов. В декабре 1827 г. по его делам о приискании ему богатой невесты был послан в Москву агент тайной полиции — Осип Венцеславович Кобервейн, вошедший, для удобства слежки, в доверие к Завадовскому.

² Карандашная приписка Бенкендорфа: «homme tout a fait dépravé», то есть: «человек совершенно развращенный».

Le Général Anselme de Gibori ne quitte plus Zawadoffski; il s'est installé tout à fait chez lui.

M. Pouschkin, l'auteur, y a été quelques fois. Il paraît bien changé et ne s'occupe que de finances, en tâchant de vendre ses productions littéraires à des conditions avantageuses. Il demeure à l'hôtel Demouth, où le viennent voir ordinairement: le Colonel Bezobrazoff, le poëte Baratinski, le littérateur Fédoroff et les joueurs Schichmakoff et Ostolopoff. Dans ses épanchemens d'amitié il avoue tout franchement qu'il n'aurait jamais fait tant de folies et de sottises, s'il n'avait pas été mené par Alexandre Rayeffski, qui, d'après toutes les notices recueillies de différens côtés, doit être un homme fort dangereux¹.

В сентябрьских «Известиях» 1827 г. находим любопытную записку фон Фока с неоднократным упоминанием имени Пушкина*.

¹ То же: «J'en ai écrit au g-l Geltouhin», т. е.: «Я написал о нем генералу Желтухину».

«Тайная полиция не упускала из виду поведение и связи графа Александра Завадовского, которому она имеет некоторое основание не доверять.

В политическом отношении пока не замечено ничего, если не считать того, что несколько молодых ротозеев приходят к нему рассуждать и фрондировать, но — без каких-либо последствий.

Главное занятие Завадовского в настоящее время — игра. Он нанял дачу на Выборгской стороне, у Пфлуга, где почти каждый вечер собираются следующие господа и многие другие, менее значительные:

Полковник Друвиль, офицер достойный, как утверждают, но хвостун и фанфарон нестерпимый.

Полковник Гудим-Левкович.

Генерал Леванский.

Некий отставной офицер Якунчиков и известный Верянов — профессиональные игроки, за коими следят.

Князь Василий Мещерский, назначение которого председателем Московской цензуры произвело повсюду самое скверное впечатление.

Г. Столыпин, статский советник, занимающийся винными откупам.

Молодой Понятовский, из Киева, сын знаменитого откупщика, и его приятель, г. Пениондзек.

Генерал Ансельм-де-Жибори не покидает более Завадовского: он совсем водворился к нему.

Пушкин, сочинитель, был там несколько раз. Он кажется очень изменившимся и занимается только финансами, стараясь продавать свои литературные произведения на выгодных условиях. Он живет в гостинице Демута, где его обыкновенно посещают: полковник Безобразов, поэт Баратынский, литератор Федоров и игроки Шихмаков и Остолопов. Во время дружеских излияний он совершенно откровенно признается, что он никогда не натворил бы столько безумия и глупостей, если бы не находился под влиянием Александра Раевского, который, по всем данным, собранным с разных сторон, должен быть человеком весьма опасным» (*франц.*)

О НАЧАЛЕ СОБРАНИЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ

После несчастного происшествия 14 декабря, в котором замешаны были некоторые люди, занимавшиеся словесностью, Петербургские литераторы не только перестали собираться в дружеские круги, как то было прежде, но и не стали ходить в привилегированные литературные общества, уничтожившиеся без всякого повеления правительства. Нелепое мнение, что государь император не любит просвещения, было общим между литераторами, которые при сем жаловались на Ценсурный Устав и на исключение литературных обществ из Адрес-Календаря, по повелению Министра Просвещения. Литераторы даже избегали быть вместе, и только встречаясь мимоходом изъявляли сожаление об упадке словесности. Наконец, поступки государя императора начали разуверять устранных литераторов в ошибочном мнении. Чины, пенсии и подарки, жалуемые от щедрот монарших, составление Комитета для сочинения нового Ценсурного Устава и, наконец, особенное попечение государя об отличном поэте Пушкине совершенно уверили литераторов, что государь любит просвещение, но только не любит, чтобы его употребляли, как вредное орудие для развращения неопытных софизма и остроумными блестящими, скрывающими яд под позолотою.

В прошлое воскресенье, 28 августа, давал литературный обед Павел Петрович Свиньин, издатель «Отечественных Записок». На сем обеде давно небывшие вместе литераторы сошлись, как давнишние знакомые, но с некоторою недоверчивостью и боязнию. Вино усладило конец беседы, стали вспоминать о прошедшем и положили, чтобы все литераторы с состоянием дали по два вечера в зиму для своих собратий и художников. Но сей обед и последовавший за ним вечер был притом несколько холоден по той причине, что на нем люди были из разных литературных партий, и откровенность не могла между ними воцариться.

Но дух здешних литераторов лучше всего обнаружился на вечеринке, данной Сомовым 31 августа по случаю новоселья. Здесь было немного людей, но всё, что, так сказать, напутствует мнение литераторов, — журналисты, издатели альманахов и несколько лучших поэтов. Между прочими был и цензор Сербинович. Совершенная откровенность председательствовала в сей беседе, говорили о прежней литературной жизни, вспоминали погибших от безрассудства литераторов, рассказывали литературные анекдоты, говорили о ценсуре и т. п. Издатель «Московского Телеграфа» Полевой один отличался резкими чертами от здешних литераторов, сохраняя в себе весь прежний дух строптивости, которым блистал Рылеев и его сообщники в обществах. Ему сделали вопрос: каким образом он успеваешь помещать слишком смелые и либеральные статьи? Полевой, не зная цензора Сербиновича, начал рассказывать при нем, как он потчует своих ценсоров и под шумок выманивает у них подпись.

Это оскорбило целое собрание, а ему отвечали, что у нас это почитается обманом, которого ничто не извиняет. Полевой хвастал, как великим под-

вигом и заслугою, что Московский Военный Губернатор князь Голицын несколько раз уже жаловался на него Попечителю Писареву за либеральность, но что он не боится ничего под покровом князя Вяземского, который берет всю ответственность на себя, будучи силен в Петербурге. На сие его неуместное хвастовство также отвечали презрительным молчанием. За ужином, при рюмке вина, вспыхнула веселость, пели куплеты и читали стихи Пушкина, пропущенные государем к напечатанию. Барон Дельвиг подобрал музыку к стансам Пушкина, в коих государь сравнивается с Петром¹. Начали говорить о ненависти государя к злоупотреблениям и взяточникам, об откровенности его характера, о желании дать России законы, — и, наконец, литераторы до того вспламенились, что как бы порывом вскочили со стульев с рюмками шампанского и выпили за здоровье государя. Один из них весьма деликатно предложил здоровье цензора Пушкина, чтобы провозглашение имени государя не показалось лестью, — и все выпили до дна, обмакивая стансы Пушкина в вино.

«Если б дурак Рылеев жил и не вздумал взбеситься, — сказал один, — то клянусь, что он полюбил бы государя и написал бы ему стихи». — «Молодец, — дай Бог ему здоровье — лихой», — вот что повторяли со всех сторон.

Весьма замечательно, что ныне при частных увеселениях вспоминают об государе произвольно, как бы по вдохновению, как то было и на серенаде 21 августа на Черной Речке, где при пении: Боже, царя храни, всё, что было лучшего, — офицеры и словесники, — воскликнули ура! и рукоплескали не из лести, ибо сие происходило в темноте.

Если литераторы станут собираться, то на сие будет обращено особенное внимание: начало предвещает хороший дух и совершенно противный Московскому.

Рукою начальника Главного Штаба барона И. И. Дибича на этом докладе, писанном фон Фоком, сделана была следующая помета с обращением к Бенкендорфу: «9 Sept. Je Vous prie, cher général, de me parler de ce papier quand nous nous verrons».

Эта записка, как и некоторые другие, возможно, были составлены по сведениям, дошедшим до фон Фока от его добровольного сотрудника — Булгарина. Отношение к последнему Пушкина в это время были еще вполне спокойное, даже признанное.

К той же эпохе относится и находящаяся в перлюстрации 1827 г. (Секретный архив, № 843) следующая любопытная выписка:

¹ Это известные стансы Пушкина «В надежде славы и добра / Гляжу вперед я без боязни...»

Выписка из письма г. Соболевского¹ из д. Устинова от 20 сентября 1827 года к Николаю Матвеевичу Рожалину в Москву

Старайтесь, молодые люди, о Вестнике². И я стараюсь, то есть еду завтра в Псков к Пушкину условливаться с ним письменно и в этом деле буду поступать пьяно (т. е. ріано). Вот пожива Киреевскому.

Мне смерть горько приходит в Петербурге, и как только дела позволят, то я вырвусь отселе окончательно, т. е. по возвращении моем из Пскова, где я и пробуду дня 4. Впрочем, мне жизнь смертельно опротивела, и с тех пор, как я всех моих здешних отыскал и обнял, то опять вспомнил, что мне скучно жить в свете. В этом я нашел себе товарища, Мальцова, и мы в запуски проклинаяем жизнь и уговариваемся взаимно расстрелиться, что и будет в скором времени произведено в действие. Киреевский! Тебя, мой верный Санхо-Панса, благодарю за готовность. Так, решено (т. е. почти что), — посоветуюсь с молодецкою твоею душою и двинемся в поход. Вот тебе мое честное слово, что все ахнут, услыша повесть о нас, а повесть будет совершенно в роде Байрона.

Далее, в мелких агентурных петербургских сведениях за октябрь 1827 г. находим большую записку, писанную рукою фон Фока и озаглавленную: «Разные слухи и толки»; здесь, в пункте 7-м, читаем следующее*: «Поэт Пушкин здесь. Он редко бывает дома. Известный Соболевский возит его по трактирам, кормит и поит на свой счет. Соболевского прозвали брюхом Пушкина. Впрочем, сей последний ведет себя весьма благоразумно в отношении политическом», а далее: «Князь Вяземский беснуется в Москве, что Полевому запретили издавать газету. Он поговаривает ехать в Париж, но долги не пускают».

На записке есть помета Бенкендорфа, из которой видно, что записка эта представлялась на прочтение императору Николаю...

К тому же месяцу относится еще другая записка фон Фока, составленная быть может, опять не без участия Булгарина**:

«Поэт Пушкин ведет себя отлично хорошо в политическом отношении. Он непритворно любит государя и даже говорит, что ему обязан жизнью, ибо жизнь так ему наскучила в изгнании и вечных привязках, что он хотел умереть. Недавно был литературный обед, где шампанское и венгерское вино пробудили во всех искрен-

¹ Приятеля Пушкина, известного остролова Сергея Александровича Соболевского. Его поездка к Пушкину, кажется, не осуществилась (см. издание «Парфенона» — «Соболевский — друг Пушкина», со статьей В. И. Саитова, Пг., 1922).

² Т. е. о журнале Погодина — Шевырева «Московский вестник».

ность. Шутили много и смеялись и, к удивлению, в это время, когда прежде подшучивали над Правительством, ныне хвалили государя откровенно и чистосердечно. Пушкин сказал: „Меня должно прозвать или Николаевым, или Николаевичем, ибо без него я бы не жил. Он дал мне жизнь и, что гораздо более, — свободу: виват!“».

На записке этой сделана помета рукою Бенкендорфа, карандашом: «Приказать ему явиться ко мне завтра в 3 часа».

В сведениях за ноябрь 1827 г. на особом листке находится написанное рукою фон Фока стихотворение «Русскому Геснеру» (начало: «Куда ты холоден и сух!»), с ошибкою в 3-м стихе и с подписью: А. Пушкин. Под заглавием его рукою Бенкендорфа, карандашом, написано: «На Федрова», — то есть на Бориса Михайловича Федорова; это, однако, неправильно, так как известно, что стихотворение это было направлено против «идиллика» В. И. Панаева. Заметим, кстати, что эти стихи появились в печати лишь в 1828 г., в «Опыте Русской Анфологии» М. А. Яковлева, — следовательно, до Фока они дошли агентурным путем.

К декабрю 1827 г. относится записка фон Фока о праздновании именин у Н. И. Греча (6 декабря) с сообщением о том, как вел себя здесь же бывший Пушкин. Вот эта любопытная записка, составленная, вернее всего, по информации Булгарина*:

В день св. Николая журналист Николай Греч давал обед для празднования своих именин и благополучного окончания Грамматики. Гостей было 62 человека: всё литераторы, поэты, ученые и отличные любители словесности. Никогда не видывано прежде подобных явлений, чтоб столько умных людей, собравшись вместе и согрев головы вином, не говорили, по крайней мере, двухсмысленно о правительстве и не критиковали мер оною. Теперь, напротив, только и слышны были анекдоты о правосудии государя, похвала новых указов и изъявление пламенного желания, чтобы государь выбрал себе достойных помощников в трудах. На счет министров не женировались, как и прежде, — каждый рассказывал какие-нибудь смешные анекдоты и злоупотребления, всегда прибавляя: «При этом государе все это кончится. На него вся надежда; он все знает; он все видит, всем занимается; при нем не посмеют угнести невинного; он без суда не погубит; при нем не оклеветают понапрасну, он только не любит взяточников и злодеев, — а смиренного и доброго при нем не посмеют тронуть».

Под конец стола один из собеседников, взяв бокал в руки, пропел следующие забавные куплеты, относящиеся к положению Греча и его Грамматики:

1.

Уж двадцать лет прошло, как Греч
 Писать Грамматику затеял;
 Конец труду и — тяжесть с плеч,
 Пусть жнет теперь, что прежде сеял.

Лились чернила, лился пот,
 Теперь вино польется в рот.

2.

Явись, бокал, — ты наш союз,
 Склонение — к любви и славе;
 Глагол сердец — причастие Муз,
 Знак удивительный в забаве!

Друзья, кто хочет в счастья жить,
 Спрягай почаще: пить, любить!

3.

В отчаяньи уж Греч наш был,
 Грамматику чуть-чуть не съели:
 Но царь эгидой осенил,
 И все педанты присмирили.

И так, молитву сотворя,
 Во-первых — здравие царя!

4.

Теперь, ура, друг Николай! (то есть Греч)
 Ты наш жандарм языкознанья.
 Трудись, живи да поживай
 Без всяких знаков препинанья.

Друзья, воскликнем, наконец:
 Ура, Грамматики творец!

Трудно вообразить, какое веселие произвели сии куплеты¹. Но приятнее всего было то, что куплеты государю повторены были громогласно всеми гостями с восторгом и несколько раз. — Куплеты начали тотчас после стола

¹ Автор этих стихов не назван в донесении. В бумагах самого Греча они сохранились с подписью имени Измайлова (Александра Ефимовича) и так напечатаны в «Русском архиве» (1869. С. 603); в том же «Русском архиве» (1893. Кн. 1. С. 446) они напечатаны вторично — уже с неверною подписью С. Нечаева, т. е. Степана Дмитриевича Нечаева (впоследствии обер-прокурора Синода).

списывать на многие руки. Пушкин был в восторге и беспрестанно напевал прохаживаясь:

И так, молитву сотворя,
Во-первых — здравие царя!

Он списал эти куплеты и повез к Карамзиной. Нечаев послал их в Москву.

Все удивляются нынешнему положению вещей: прежде не было помину о государе в беседах, — если говорили, то двухсмысленно. Ныне поют куплеты и повторяют их с восторгом!

L'opinion publique a besoin qu'on la dirige¹. Но направлять общее мнение тогда только можно, когда есть элементы к возбуждению хороших впечатлений и когда честные и умные люди, видя и чувствуя благие виды Правительства, охотно содействуют к направлению мнений в хорошую сторону. Теперь все это есть — и элементы, и добрые люди, а через несколько лет можно надеяться, что образ мыслей вообще и в целом примет самый лучший оборот.

Мы уже упоминали во вступительной своей заметке, что у фон Фока были агенты самого различного положения, — сообразно тому, в каких кругах эти агенты должны были вращаться. Образчик «высокой» агентуры — например, Висковатова или Локателли — мы уже видели, а вот образец донесений агента, судя по его произведениям (очень многочисленным), тершегося в лакейских и прихожих. Этот безграмотный образчик находится в числе агентурных сведений за февраль месяц 1828 г. (Секретный архив, № 1078, л. № 33); передаем его со всеми особенностями пунктуации:

Пушкин! известный уже, сочинитель! который, не взирая на благосклонность государя! Много уже выпустил своих сочинений! как стихами, так и прозой!! колких для правительствующих даже, и к государю! Имеет знакомство с Жулковским!! у которого бывает почти ежедневно!!! К примеру вышесказанного, есть оногo сочинение под названием Таня! которая быдто уже, и напечатана в Северной Пчеле!! Средство же, имеет к выпуску чрез благосклонность Жулковского!!

Жулковский здесь, конечно, — Жуковский, а под сочинением «Таня» следует угадывать «Евгения Онегина», которого IV и V главы вышли в свет как раз в начале февраля 1828 г.

Далее мы приводим записку (Секретный архив, № 915, л. 1) упомянутой в предисловии еврейки Екатерины Хотяинцовой о княгине

¹ Общественное мнение нуждается в том, чтобы его направляли (франц.).

Евдокии Ивановне Голицыной, известной по прозвищу *Princesse Nocturne*¹ и воспетой Пушкиным. Имя последнего лишь упоминается в списке знакомых княгини, но мы приводим здесь эту записку о Голицыной, равно как и другую о ней же, ввиду того внимания, которое уделял «Княгине Ночной» наш поэт:

ЗАПИСКА О КНЯГИНЕ ГОЛИЦЫНОЙ

Княгиня иногда через девушку свою Ольгу Ивановну раздает солдатам деньги, но это большая часть солдат, отданных из ее вотчины; есть и другие, но очень мало; ни один из них не служит в Преображенском полку, а в Измайловском, Семеновском и в Конногвардейском. Сама княгиня никогда не говорит с солдатами.

У княгини часто проводит ночи Николай Семенович Мордвинов. Кн. Николай Борисович Голицын 7-го числа сего месяца провел у нее время с 10-ти часов вечера до 3-х часов.

У княгини живет для компании девица Жеребцова, воспитанница Екатерининского Института; у нее брат полковник, находящийся в поселенных войсках; сия девица переписывает у княгини бумаги; она говорила мне, что княгиня пишет по части математики.

Княгиня весь день спит, целую ночь пишет бумаги и прячет их в сундук, стоящий в ее спальне. Все ее люди говорят, что она набожна, но я была в ее спальне и кабинете и не нашла ни одной набожной книги; лежат книги больших форматов. — я открывала некоторые; это была Французская революция с естампами, Римская история и проч. Я взяла из одной книги вложенную в нее бумагу, на коей написано множество имен: я удержала оную у себя, дабы можно было из оной видеть, с кем знакома княгиня, и которую при сем прилагаю.

Фогель² не отходит от ее дома, и я опасуюсь, дабы он не дал знать, чтоб меня береглись.

Я Жеребцовой обещала доставить место гувернантки или компаньонки.

Вчерашний день княгиня наняла к себе человека, но сегодня велела его отпустить, сказавши, что ей не нравится его физиогномия.

9 Апреля 1828 года

Екатерина Хотяинцова

На отдельной пришитой к записке бумажке написано рукою княгини Е. И. Голицыной:

¹ О ней см.: *Кубасов И. А.* Пушкин и кн. Е. И. Голицина // Пушкин А. С. Соч. / Под ред. С. А. Венгерова. Т. 1. С. 516—526*.

² Агент общей полиции, которая соперничала с агентурой фон Фока (см. выше).

Корсакова — 3.	Мелиен — 3.
Кн. Софья Голицына — 2.	Урусовы — 3.
Княг. Голицына — 4.	Голицын — 1.
Хитрова — 1.	К. Вяземский — 1.
Толстая — 1.	Пушкин — 1.
Хитрова — 4.	К. Долгоруков — 1.
Г. Строганова — 2.	Суворов — 1.
Нарышкин — 1.	Пашков — 1.
К. Лабанов — 1.	Голицын — 1.
Пратасов — 1.	Кастинецкой — 1.
Цицианов — 3.	<и т. д.> ¹

К апрелю или маю месяцу 1828 г. относится очень интересная, типично инквизиторская записка (Секретный архив, № 1034), вышедшая из лаборатории фон Фока (она вся писана его рукою) и касающаяся неосуществившегося издания газеты «Утренний листок», которую, по слухам, намеревался предпринять кружок молодых писателей во главе с князем П. А. Вяземским, Пушкиным и другими*. Записка фон Фока в числе других подобных (они все носили название «Секретной газеты») была послана им к Бенкендорфу, — находившемуся тогда на театре военных действий в Турции, в свите императора Николая, — при письме от 30 мая 1828 г. за № 9. Здесь записка была передана на прочтение Дмитрию Васильевичу Дашкову, бывшему арзамасцу, приятелю А. И. Тургенева, Жуковского, Блудова, Уварова и других членов этого общества, в заседаниях которого он встречался и с Пушкиным; Дашков, будучи в это время товарищем министра внутренних дел, находился также в свите им-

¹ Около этого же времени — в феврале 1828 г. — другой агент (упомянутый уже выше — совершенно малограмотный) сообщал фон Фоку: «Княгиня Голицына, жительствовавшая в своем собственном доме, что в Большой Миллионной, которая, как уже по известности, имеет обыкновение спать днем, а ночь занимается компаниями, — и таковое употребление времени относится к большому подозрению, ибо бывают в сие время особенные занятия какими-то тайными делами; из числа же собирающихся к оной есть одна дворянка, по фамилии Пучкова (см. выше, с. 71), исправляет какое-то препоручение, а из господ — князь Трубецкой, служащий при Дворе камер-юнкером, жительствовавший в доме Кусовникова, где типография Плюшара; и, как сказывал служитель у Трубецкого, 14-го числа февраля, называемый Иван Степанов, что у его барина есть некто, имеющий какое-то особенное препоручение, — один служащий чиновник в Департаменте Внешней Торговли, по фамилии Бетхин, приходящий ежедневно к Трубецкому, даже и в то время, когда прочим знакомым запрещен бывает допуск» (Секретный архив, № 1134).

ператора, в Главной квартире действующей армии; на досуге он внимательно прочел переданную ему Бенкендорфом записку (имя ее автора последний, конечно, не открыл Дашкову), сопроводив ее своими замечаниями, и, кроме того, приложил отдельный лист со своими на нее объяснениями и возражениями¹. Как человек весьма литературный и высокопросвещенный, знавший близко многих писателей, он в своих ответах на отдельные места «Газеты» дал очень любопытные отзывы о Вяземском, Пушкине, В. П. Титове, князе В. Ф. Одоевском. Печатаем сперва записку фон Фока, а затем — возражение на нее Дашкова.

а.

Секретная газета

4.

В Москве опять составила партия для издания газеты политической, ежедневной, под названием «Утренний Листок». Хотят издавать или с нынешнего года с июня, или с 1-го января 1829. — Главные издатели те же самые, которые замыслили в конце прошлого года овладеть общим мнением на политических видов, как то было открыто из переписки Киреевского с Титовым.

Все эти издатели по многим отношениям весьма подозрительны, ибо явно проповедают либерализм. Ныне известно, что партию составляют князь Вяземский, Пушкин, Титов, Шевырев, князь Одоевский, два Киреевские и еще несколько отчаянных юношей. Но ныне такое между ними условие: поручить издателю «Московского Вестника» Погодину испрашивать позволение. Погодин, переводя с величайшими похвалами и лестью сочинения Академиков Круга etc., Ректора Эверса и других, успел снискать благоволение ученых, лстя их самолюбию. За свои детские труды он сделан Корреспондентом Академии и весьма покровительствуем Кругом, Аделунгом и другими немецкими учеными. — Сей Погодин — чрезвычайно хитрый и двуличный человек, который под маскою скромности и низкопоклонничества вмещает в себе самые превратные правила. Он предан душою правилам якобинства, которые составляют исповедание веры толпы Московских и некоторых Петербургских юношей, и служит им орудием. Сия партия надеется теперь через немецких ученых Круга и Аделунга снискать позволение князя Ливена, через князя Вяземского и Пушкина — действовать на Блудова по-

¹ Записка писана карандашом и не подписана: несомненная принадлежность ее Д. В. Дашкову устанавливается как почерком, коим она писана, так и некоторыми местами ее содержания.

средством Жуковского, а через своего партизана Титова, племянника статс-секретаря Дашкова, — снискать доступ к государю чрез графа Нессельроде или самого Дашкова.

Издание частной газеты в Москве будет весьма вредно для общего духа и мнения, ибо, как известно из переписки сей партии, вся их цель состоит в том, чтоб действовать на дух народа распространением либеральных правил. От сего не уберется никакая цензура, ибо издатель, поместив две или три фразы пошлые в похвалу правительства, может спокойно молчать о том, что производит хорошее действие, и помешать все, в виде фактов с пояснениями, что воспламеняет умы к переворотам. Москва, удаленная от центра политики и министерств и не будучи подвержена непосредственному надзору в нравственном отношении, может наделать много зла газетами, ибо пока здесь хватятся за статью, — она уже разоидется по России.

Уже эта Московская партия показала свой образ мыслей на счет газет не только в Секретной переписке¹, но даже и в печатном. В № 8 «Московского Вестника» на сей 1828 год критикуют наши газеты и дают чувствование, как они сами будут издавать газету. В начале сей статьи упрекают газеты, что они извещают Русскую публику о безделицах и представляют одни голые, неудовлетворительные известия о происшествиях вместо того, чтобы ставить нас на такую точку, с которой мы могли видеть, *чтоб занимает умы в настоящее время в державах Европейских, наиболее обращающих на себя внимание* всякого просвещенного, — вместо того чтоб изображать нам *перемены, происходящие во внутреннем устройстве Государства с их причинами, постепенным развитием и последствиями*, вместо того, чтобы выводить вперед *современные лица, действующие на поприще политическом, с их характерами и мнениями* и проч.... — Здесь цель издателей ясная. Что занимает умы в Европе? — Конституции. Перемены во внутреннем устройстве государств с их причинами, постепенным развитием и последствиями — суть революция и оппозиция. А выведение политических лиц с их действиями и мнениями поведет к проповедованию карбонаризма. Вот чем привлекают к себе публику новые издатели газеты в Москве.

Далее издатели говорят следующее² (Выписка из 8 № Московского Вестника): «Сколько в прошлом году случилось важных происшествий в Европе, о которых читатели наших газет остались в совершенном неведении, узнавши только их заглавия, вместе с заглавиями многих мелких случаев, здесь и там встретившихся.

¹ Т. е. перлюстрированной.

² В подлиннике идет сперва текст фон Фока и его примечания, а потом — замечания или примечания Дашкова; здесь, против примечаний Дашкова поставлены черты на поле; каждое примечание Фока и Дашкова помещается здесь под соответственной фразой выписки, к которой относится.

Издатели новой газеты хотят, чтобы им описывать важные происшествия. Эти подробности поведут весьма далеко.

Эти подробности не поведут далеко людей благоразумных; а неразумных остановит тотчас хорошая цензура и бдительное правительство. Но как же не описывать с некоторою подробностью *важных происшествий*?

Но, перечитав все книги и брошюры, вышедшие в Европе в прошлом году, подам ли я понятие слушателю о ходе Европейского Просвещения?

Под именем Европейского Просвещения разумеется либерализм: слово, введенное князем Вяземским.

*C'est une méchanceté gratuite*¹. Успехи словесности, наук и художеств принадлежат также к *Европейскому Просвещению*.

Русской публике не столько нужно знать все марши маркиза Хавеса в Португалии, все движения лорда Кохрена на водах Архипелагских, как выразить постановления о ввозе хлеба в Англии или *прения о ценсуре* во Франции или другое важное явление в этом роде.

Какое важное явление в роде вольности книгопечатания? Все рассуждения по сему предмету ведут к обузданию самодержавия, как видно из речей депутатов во Франции.

Это умышленная натяжка. И по смыслу речи, и по грамматике слова: *другое важное явление* относятся столько же к постановлениям о ввозе хлеба, сколько и к прениям о ценсуре. Таковы суть споры о католиках в Англии и другие предметы, о коих благоразумный и благонамеренный газетчик будет говорить делдно и с пользою.

К преступной цели могут вести не только рассуждения о ценсуре, но и о всякой безделице. Это другое дело. Но хороший закон о ценсуре сам по себе не уменьшает почтения к самодержавию, а напротив умножает оное.

Объяснили ли нам, например, по поводу занятия Каннингом, потом Робинсоном (а ныне Веллингтоном), первого места в Министерстве, почему так скоро и легко составляются и переменяются Министерства в Англии, как будто бы дело шло о каком-нибудь частном споре, который приятелями решается полюбовно в комнате?

Цель издателей очевидна, чтобы показать, что в Англии общее мнение делает и низвергает Министров.

Натяжка.

Показала ли она нам систему Каннингова управления, в противоположность системе Кастелриговой?

¹ Эти слова проникнуты беспричинной злобой (*франц.*).

Система Каннингова управления — либерализм, Кастелригова — монархическое ограниченное правление. Нужно ли его изъяснять Русской публике?

Есть множество других различий между сими системами в отношении к торговле, внешней политике и проч.

Почему при Ливерпуле не было такого неудовольствия против Каннинга, какое обнаружилось при вступлении его в должность первого Министра, хотя он прежде равное почти принимал участие в делах?

Это повело бы далеко, изъясняя прения Парламента.

Почему Пиль, Веллингтон и пр. оставили Министерство, а прежде действовали в оном вместе с Каннингом?

Высшая политика, которая поколебала бы слабые умы.

Нимало не поколебала бы, если только издатель не захочет рассеять вредных учений под видом изложения фактов. А если у него будет такая цель, то он пойдет к ней, говоря не только о Каннинге, но и о каком-нибудь авторе или о герое древнем. Где же будет цензура? Где полиция?

Показали ли нам в ясном свете распрю в Англии о католиках и протестантах: как до сих пор, при всех переменах в Министерстве, какая бы партия ни взяла преимущество, Виги или Торисы, всегда партия католическая и анти-католическая имеют почти равную силу? Точно также должно было изложить перемены в уголовном законодательстве, предложенные Пилем, участие, которое Англия принимала в делах Португалии. — Франция в прошедшем году представила множество явлений любопытных.

Борение либералов и революционеров и победа сих последних над королем, — вот что было в прошлом году.

Неправда. В 1824 г. распущена национальная гвардия и нанесены другие удары либералам. Министерство Виллеля упало уже в 1828.

При известии о распусчении королем национальной гвардии, для Русской публики должно бы было прибавить историческое известие об этой гвардии, о времени ее учреждения, ее обязанностях, цели, о постановлениях, до нее касающихся.

Объясняя обязанности и цель национальной гвардии, надлежало бы представить революцию в *благоприятном виде*, ибо национальная гвардия есть создание революции.

Почему же в *благоприятном виде*? Напротив того, живое и беспристрастное описание ужасов того дня, когда началась национальная гвардия, было бы лучший антидот против желания революции — по крайней мере, для юношей неопытных и пылких, но не развращенных.

О причинах, почему король нашелся принужденным распустить ее и почему сия мера возбудила неудовольствие.

Явно хотят показать, что отступление от революционных правил и постановлений возбуждает неудовольствие в народе.

Опять умышленно кривое толкование. Изложение факта не есть еще одобрение оною. Все зависит от цели автора, а не от предмета.

Точно так же должно было бы поступить и при сообщении известия о возведении 76 чел. в достоинство перов, объяснить перемену в образе мыслей Палаты Депутатов,

Объяснять перемену образа мыслей в Палатах есть объяснять переход к либерализму.

Все дело в том, как будет объясняемо.

в которой под конец ее заседаний вся почти правая сторона сделалась левою.

Известно, что левая сторона либеральная.

При Португальских происшествиях оставили в неизвестности причины отъезда инфанта Дона Мигуэля из Португалии и причины его возвращения и вступления в регентство.

Опять надлежало бы толковать о Конституции.

Мы не получили также никакого ясного понятия об отношениях Испании к Португалии, Франции и Англии к Испании.

Высшая политика, которой не должно давать уроки в газетах.

А почему же нет? Как просвещенному человеку не знать различных отношений каждой державы Европейской к другим? Если же под видом распространения сих полезных знаний захотят рассеять учения развратные, то это уже другое дело. На то есть цензура и бдительная полиция. Нельзя и не должно запрещать употребления ножей, хотя ими можно резать и людей.

Ничего не может быть скучнее известий о Греческих происшествиях, в которых никак нельзя было добраться до толку.

б.

<Записка Д. В. Дашкова>

Цель сей статьи есть та, чтобы побудить правительство к запрещению издания в Москве предполагаемой политической газеты. Я и сам не дозволил бы оной, но потому только, что там иные издатели скорее могли бы поместить нескромные статьи — не с умысла, а по неосторожности или по умничанью. Я твердо уверен, что неразумное умничанье и необузданная болтовня играют большую роль в так называемом Русском либерализме.

Сочинители записки видят в Московских литераторах общество заговорщиков; но истинное побуждение их так явно, что даже открывает мне имена

их. Скажу безошибочно, что они суть Петербургские журналисты, имевшие много литературных ошибок с «Московским Вестником» и «Телеграфом» и желающие приобрести разными путями прибыльную монополию политической газеты. Vous êtes orfèvre, M-g Josse!¹ — Они описали мнимое Московское общество весьма неверно и слили в оное лица, кои равно им нелюбы и кои между собою не имеют связей. Таковы кн. Вяземский и молодые издатели «Московского Вестника».

Из наименованных в записке людей я не скажу ничего о Погодине, коего мало знаю. Шевырева знал только по виду, а Киреевских никогда не видел. Но прочие мне весьма известны, и я считаю долгом сказать о них свое мнение — по чести и совести.

Кн. Вяземский известен Правительству с самой дурной стороны и справедливо терпит за невоздержанность языка и пера своего. Переписка его была вредна и ему, и другим. Но сердце Вяземского совсем не злое и не способно к измене: тому может служить доказательством и невинность его по делу о злоумышленных тайных обществах, хотя он верно был знаком с ³/₄ составлявших оные негодяев. По долгодетним связям моим с его шурином, незабвенным Карамзиным, я знаю Вяземского с самых молодых его лет за человека с умом, с душою, с честью, — но без всякого esprit de conduite². Вся его вина — в эпиграммах и письмах, наполненных вредным для него умничаньем и острословием: к тому присоединилось оскорбленное самолюбие неудачами по службе и забота о расстроенном имени. Если он хочет быть издателем политической газеты, то верно для денег. Для сей же цели он хотел нынешнею зимою переводить Вальтера Скотта и будет еще биться, как рыба об лед, пока не разорится до конца. Но он не заговорщик и не враг правительству: в этом поручатся все его знающие. Верный Карамзин по чутью узнал бы в нем изменника и отвергся бы его тогда с омерзением.

О Пушкине говорить нечего: его хорошие и дурные качества известны, кажется, правительству в прямом виде.

Третьим в записке поставлен Титов³. Он мне родной племянник и с минувшего года живет у меня в доме. Я должен знать его — и скажу все, что

¹ Слова Станареля из комедии Мольера «L'Amour médecin» («Любовь-целительница»):

Вы мне отлично советуете — в свою пользу:

Вы — ювелир, господин Жосс!

Это говорится, когда кто-нибудь советует или действует, имея в виду не чужую, а свою пользу. — Б. М.

² Умение вести себя должным образом (франц.).

³ Тот самый Владимир Павлович Титов (псевдоним «Тит Космократов»), рассказ которого «Уединенный домик на Васильевском», записанный им со слов Пушкина, был в 1913 г. переиздан П. Е. Щеголевым и Ф. Сологубом. Впоследствии Титов был посланником в Константинополе, членом Государственного совета. — Б. М.

знаю. По нем можно будет судить о приятеле его князе Одоевском и вероятно о прочих их совоспитанниках, коих сочинители записки называют отчаянными юношами.

После долгого отсутствия быв в Москве в 1825 г., я нашел Титова оканчивающим курс учения в Московском Университете. Ему было 18 лет. Голова у него не из самых пылких; но к несчастью он попал в руки, вместе с другими юношами, к человеку — самому честному, самому благонамеренному, самому неспособному к злодейству, но и к самому вредному на Философской кафедре — к профессору Давыдову.

Несчастливая Немецкая Философия вскружила ему и питомцам его головы. Вместо того, чтобы преподавать ее, как *историю науки*, он приучал их искать в ней основания наук и даже нравственности. Молодые люди привыкли отдавать себе во всем отчет силлогизмами и презирать тех, коим силлогизмы сии были незнакомы: стали умничать, болтать и судить о том, чего не понимали и до сих пор понимать не могут: sie wurden pädantisch und vorwitzig¹, — но ни учитель, ни ученики не были и не суть заговорщики... Я предварил о сем сестру мою, живущую в отдаленной деревне, — и Титов был немедленно взят из Университета и помещен покуда в Московский Архив, а при первой возможности прислан в Петербург, где он работает с утра до вечера в Азиатском Департаменте и сушит свой мозг над выписками и переводами. Там довольны и прилежанием его, и поведением.

Князя Одоевского узнал я по Министерству Внутренних дел и начал употреблять при себе для чистого письмоводства. Его кротость и прилежание заслуживают полную похвалу: и я по совести не могу признавать его *отчаянным юношею*. Отъезжая из Петербурга, я счел долгом представить его к чину и жалею, что его величеству не благоугодно было утвердить сего представления. Боже сохрани, чтобы правительство искало привлечь к себе подобных ему юношей незаслуженными милостями; но когда сия милость действительно заслужена ими, то неполучение оной может ввергнуть в отчаяние и растравить юное сердце, еще не затверделое в правилах, кои велят ставить долг выше всех обстоятельств жизни.

Теперь, узнав, кто таковы мнимые Московские заговорщики, можно судить, до какой степени справедливы показания сочинителей записки о средствах, коими сия партия надеется действовать. Не знаю коротко ни князя Ливена, ни Круга, ни Аделунга² и потому о них молчу. Но на Блудова надеются действовать посредством князя Вяземского, Пушкина и Жуковского! В первом Блудов принимает участие по памяти Карамзина и по 20-ти-летнему знакомству, — но верно не спросит никогда его совета; Пушкина тоже, ибо уважает в нем один талант; а Жуковского! Ему ли, сей чистой,

¹ Они становились педантичными и нескромными (*нем.*).

² Князь Ливен — министр народного просвещения; Круг — академик, историк; Аделунг — историк, член-корреспондент Академии наук. — Б. М.

возвышенной душе, коей вверена надежда России¹, быть орудием, даже слепым, гнусных козней и умыслов!.. На меня будет сия партия действовать чрез Титова и чрез меня и графа Нессельрода получит доступ к государю! Чрез Титова, 21-летнего мальчика, держимого на узде и ежечасно прохладяющего свое воображение!.. Едва ли можно верить, чтобы сочинитель сих нелепостей *ошибался от доброго сердца*.

Наконец, что еще более меня в сем убеждает, есть приложенная выписка из 8 № «Московского Вестника» с замечаниями. Сделанные мною карандашом возражения на сии замечания показывают, с какою ядовитостью толкуется каждое слово и как извлекается смысл преступный из речей вялых и тысячу раз перебитых. Прочитав сказанное в «Московском Вестнике», я ощутил одно чувство: неудовольствия, вида, как дети судят и рядят обо всем с полною уверенностью в своей безошибочности и с надутостию поседелого профессора. Но и только: злого намерения в сем отрывке не вижу и не могу предполагать оного в молодых Издателях.

Вот какую решительную отповедь дал Дашков на инквизиторскую записку фон Фока... Последний оставил эту отповедь без возражений; по крайней мере, в дальнейшей переписке своей с Бенкендорфом он уже не касался ни кружка молодых передовых писателей, ни их плана об издании «Утреннего листка», который так и остался в области одних предположений и неосуществившихся мечтаний. А предпринимался он, конечно, в целях противодействия булгаринской «Северной пчеле», умело, при покровительстве фон Фока и Бенкендорфа, монополизировавшей тогдашнее общественное мнение...

В середине 1828 года у фон Фока завелся новый корреспондент-доброволец, человек образованный и умный, сообщавший ему, в литературной и легкой форме «Писем Наблюдателя», различные сведения о событиях, отголоски мнений, слухи и сплетни, а также и собственные размышления по самым разнообразным вопросам. С фон Фоком он был на «ты» и очень удовлетворял его своими письмами. В одном из них, по счету VI, от 6 августа 1828 г. (Секретный архив, № 1034.), он писал ему, между прочим, о Лицее, причем упоминал и о Пушкине и его товарищах. Приводим здесь эту часть любопытного письма неизвестного автора, в противовес напечатанной выше записке Булгарина о «Лицейском духе», — тем более что письмо неизвестного, будучи послано фон Фоком Бенкендорфу, находившемуся тогда в свите Николая на возвратном пути последнего с театра

¹ Т. е. воспитание наследника Александра Николаевича. — Б. М.

турецкой войны, было читано, как и все другие письма и сообщения фон Фока, государем:

Царскосельский Лицей существует только по имени: он мало-помалу превратился в Военно-Сиротское Отделение. Воспитанники не имеют никаких книг, кроме учебных, не смеют ничем заниматься в свободное от классов время; не смеют даже оставаться в своих комнатах, а должны гулять кучею или проводить время в праздности в общей зале. От этого в их комнатах чисто, да за то и в головах не будет ни пылинки. Не спорю, что им в прежнее время давали много воли, что некоторых из них избаловали; но за то и какую пользу принесло сие заведение! Двенадцать человек из Лицея служат в Канцелярии государя. Во всех Министерствах, во многих военных частях — лучшие чиновники суть Лицейские воспитанники. Барон Корф, князь Горчаков, Вальховский, Саврасов, Ломоносов, двое Комовских, трое Безаков, Малиновский, Маслов и много, много еще молодых отличных людей служат доказательством, что прежний Лицей был, конечно, первый из наших Институтов. Когда говорят о Лицее, то враги его всегда вспоминают о 14-м декабре. Да помиуйте! Сколько там было Лицейских? Один Пущин, да сумасшедший Кюхельбекер. И так, за эти двух вырождков и за шалости Пушкина предать анафеме все заведение? А сколько там было из Корпусов Пажеского, Сухопутного, Морского? — Что из этого следует? — Может быть, что при нынешнем положении Лицея не выпустят из него ни Пущина, ни Кюхельбекера. Это может быть, но достоверно то, что не будет и тех отличных людей, о которых я говорил выше.

Далее в материалах Секретного архива не находится о Пушкине никаких сведений почти за целые два года¹, — начиная со второй половины 1828 г. — за весь 1829 г. и начало 1830-го, — то есть за время, проведенное поэтом сперва в Петербурге, в неприятностях по

¹ Оказался только один документ, от января 1830 г., имеющий лишь косвенное отношение к Пушкину, а именно записка жандармского офицера Брянчанинова, касающаяся карточного игрока Василия Семеновича Огонь-Догановского (ум. 15 мая 1838 г., на 63 г.), в сети которого в Москве в это время попал и Пушкин, входивший, весной 1830 г., в письменные с ним сношения по поводу уплаты ему по какому-то векселю. Вот этот документ (Секр. арх., № 1051):

«№ 2. Москва. Начальник I Отделения Майор Брянчанинов доносит.

О карточной игре.

Банковая в карты игра в Москве не переставала никогда; но в настоящее время, кажется, еще усилилась, и в публике не без сожаления замечают слабой в оном присмотр полиции.

Между многими домами, составившими для сего промысла партии, дом Догановского есть особенное прибежище игрокам. Сказывают, что игорные дни назначены и сам хозяин мечет банк, быв с другими в компании.

Генваря 2 дня 1830 г. Москва».

делу о «Гавриилиаде», а затем — в разъездах (Тверская губерния, Москва и Петербург, Кавказ, Москва, снова Тверская губерния и Петербург): из поездок он возвратился лишь к середине ноября 1829 г. (причем сразу же должен был выслушать выговор Бенкендорфа за то, что «странствовал за Кавказом и посещал Арзерум», не получив на то специального разрешения), а затем первые месяцы 1830 г. провел в новых сборах к отъезду и в поездке в Москву, где вскоре и состоялось его сватовство к Наталье Николаевне Гончаровой. К этому сватовству и имеет отношение печатаемое ниже письмо Пушкина к Бенкендорфу от 7 мая 1830 г.

Известно, что сватовство Пушкина было принято скептически его будущей тещей, Н. И. Гончаровой, которая, как писал поэт Бенкендорфу 16 апреля 1830 г., страшилась выдать дочь свою за человека, «имевшего несчастье подвергнуться неудовольствию императора»... Поэтому Пушкин в этом письме и просил о том, чтобы Бенкендорф выяснил его официальное положение и отношение к нему правительства: «Счастье мое зависит от одного благосклонного слова того, к которому моя преданность и моя благодарность бескорыстны и безграничны», — писал Пушкин (XIV, 78, 406). Бенкендорф отозвался на эти строки письмом от 28 апреля, в котором, успокаивая Пушкина, писал, что государь с удовольствием услышал о намерении его жениться и поручил ему сообщить, что он, Пушкин, находится не под гневом, а под отеческим попечением его величества и что он доверен Бенкендорфу не как шефу жандармов, но как человеку, которому император оказывает свое доверие, и лишь для того, чтобы наблюдать за ним и руководить его своими советами. В конце письма Бенкендорф писал, что уполномочивает Пушкина показывать настоящее его письмо всем тем, кому он сочтет нужным, — чтобы тем самым рассеивать неблагоприятные о нем слухи, будто он находится в дурных отношениях с правительством. Получив это письмо, Пушкин и написал Бенкендорфу свой благодарственный ответ; придя в Петербург, письмо не застало здесь Бенкендорфа, попало в руки фон Фока и последним было переслано, при письме от 18 мая, к шефу, после чего так и оставалось при бумагах, не будучи включено в «дело» Пушкина. Вот что писал фон Фок из Петербурга, 18 мая 1830 г. (Секретный архив, № 1029), Бенкендорфу, за несколько дней перед тем выехавшему оттуда для сопровождения Николая I в одну из его поездок: «J'annexe à ma missive un chiffon de lettre de notre fameux Pouschkin. Ces lignes le caractérisent parfaitement dans toure

sa légèreté, dans toute son étourderie insouciantе. Malheureusement, c'est un homme ne songeant à rien, mais prêt à tout. C'est l'impulsion momentanée qui le fait agir...»¹ А вот и самое письмо Пушкина к Бенкендорфу:

Mon Général.

C'est à la sollicitude de Votre Excellence que je dois la grâce nouvelle dont l'Empereur vient de me combler: veuillez recevoir l'expression de ma profonde reconnaissance. Jamais dans mon coeur je n'ai méconnu la bienveillance, j'ose le dire, toute paternelle que me portoit Sa Majesté, jamais je n'ai mal interprété l'intérêt que toujours vous avez bien voulu me témoigner; ma demande n'a été faite que pour tranquilliser une mère inquiète et que la calomnie avoit encore effarouchée.

Veuillez recevoir, mon Général, l'hommage de ma haute considération.
Votre très humble et très obéissant serviteur

7 Mai 1830. Moscou²

Alexandre Pouschkin

Через месяц после этого письма, 10 июня того же года, в письме из Петербурга к Бенкендорфу, продолжавшему находиться в отсуствии, фон Фок писал (Секретный архив, № 1029):

«Toutes les nouvelles de l'Intérieur continuent d'être très rassurantes et ne présentent aucun accident à marquer. J'ajoute quelques petites notices, ainsi qu'une lettre très drôle de Pouchkin, que Vous déciderez dans Votre sagesse»³.

¹ «Присоединяю к моему посланию письмо нашего пресловутого Пушкина. Эти строки великолепно его характеризуют во всем его легкомыслии, во всей беззаботной ветрености. К несчастью, это человек, не думающий ни о чем, но готовый на все. Лишь минутное настроение руководит им в его действиях...» (*Франц.*)

² Генерал! Попечению вашего превосходительства обязан я новою милостью, которою его величество только что меня облагодетельствовал: благоволите принять выражение моей глубокой признательности. Никогда в сердце своем не забывал я благосклонности — смею сказать — совершенно отеческой, — которую оказывал мне его величество; никогда не истолковывал я в дурную сторону и тот интерес, который вам всегда угодно было проявлять ко мне; моя просьба была высказана единственно для того, чтобы успокоить мать, находившуюся в тревоге и еще более взволнованную клеветою.

Благоволите принять, генерал, дань моего высокого почтения.

Ваш нижайший и покорнейший слуга *Александр Пушкин*. 7 мая 1830 г. Москва.

³ «Все новости, приходящие изнутри России, продолжают быть весьма успокоительными и не представляют ничего достойного быть отмеченным. Я прилагаю к нему несколько маленьких заметок, равно как и весьма курьезное письмо Пушкина, на которое Вы положите решение, сообразное Вашей мудрости» (*Франц.*).

Это, конечно, было письмо Пушкина из Москвы от 29 мая 1830 г., в котором поэт просил Бенкендорфа исходатайствовать ему разрешение у государя на переливку находившейся в Полотняном Заводе, у деда его невесты Гончаровой, бронзовой статуи Екатерины II, за которую скупщики меди предлагали сорок тысяч рублей. Письмо это давно известно в печати¹.

В одном из следующих своих писем, от 11 октября 1830 г. (Секретный архив, № 1029), фон Фок писал Бенкендорфу в Москву: «Je Vous envoie un numéro de la Gazette littéraire de Viazemski, Pouchkin et consorts. Vous y trouverez un article mystique, que j'ai marqué au crayon. Ce parti cherche des adhérens»¹.

К сожалению, номер «Литературной газеты» при письме Фока не сохранился, и трудно догадаться, какая именно статья привлекла на себя внимание управляющего III Отделением; скажем только, что на письме фон Фока имеется помета императора Николая, который ездил тогда в Москву, чтобы внести успокоение в народ, пришедший в отчаяние от свирепствовавшей там холеры; Николай, следовательно, читал донесение фон Фока и вновь встретил в нем имя Пушкина, в это время сидевшего за холерными карантинами в Болдине.

Через три дня после этого, 14 октября 1830 г., фон Фок писал своему шефу в Москву, между прочим, следующее (Секретный архив, № 1029):

«On a publié dans la Gazette littéraire un charmant quatrain sur l'Empereur, qui doit être de Pouchkin ou de Baratinsky. Il est signé Москва, mais ce qui est remarquable, c'est que ces vers sont le premier éloge que cette société de jeunes gens ait imprimé en faveur de l'Empereur. Je copie ici ces vres:

УТЕШИТЕЛЬ

Москва уныла: смерти страх
 Престольный град опустошает;
 Но кто в нее, взвивая прах,
 На встречу ужаса влетает?
 Петров потомок, царь, как он
 Бесстрашный духом, скорбный сердцем,

¹ Посылаю вам нумер «Литературной газеты» Вяземского, Пушкина и их сообщников. В нем вы найдете статью мистическую, которую я отметил карандашом. Эта партия подыскивает себе единомышленников» (франц.).

Летит, услыша Русских стон,
Венчаться душ их самодержцем.

L'idée est sublime, et le public se déchire à copier ces vers¹.

На письме опять есть помета, свидетельствующая о том, что император читал его, — а следовательно, и стихи, ему посвященные. Последние, однако, не принадлежали перу ни Пушкина, ни Боратынского, и автор их нам неизвестен*.

Этим кончаются материалы о Пушкине, сохраненные фон-фоковским секретным архивом². После смерти Фока, при его заместителе, статс-секретаре Александре Николаевиче Мордвинове, в III Отделении наступили, по-видимому, другие порядки, и агентурные сведения уже не сберегались в архиве, как прежде. Мы нашли только одну имеющую косвенное отношение к Пушкину записку, а именно — характеристику трех писателей: князя В. Ф. Одоевского, П. А. Плетнева и А. А. Краевского (Секретный архив, № 645). Полагаем, что характеристика эта была сделана для Бенкендорфа по поводу предположений о продолжении издания «Современника», за которое, после смерти Пушкина, немедленно взялись ближайшие друзья поэта. Записка писана рукою А. Н. Мордвинова и не имеет на себе ни даты, ни каких-либо помет, но относится, если правильно наше предположение о причине ее составления, к февралю — марту 1837 г.

«Князь Одоевский, камергер, служит по Министерству Внутренних Дел и состоит сверх того в Министерстве Народного Просвещения библиотекарем при Комитете Иностранной Цензуры. Принадлежит к кругу здешних литераторов; участвует в издании газеты под названием Литературных Прибавлений; имеет хорошие способности;

¹ «В „Литературной газете“ было напечатано прелестное четверостишие на императора, должно быть — Пушкина или Боратынского. Оно подписано: Москва, но что замечательно, — эти стихи являются первой похвалой, которую сие общество молодых людей напечатало в знак внимания к императору. Переписываю здесь эти стихи: <...> Идея — великолепна, и публика разрывается на части, чтобы списывать эти стихи» (франц.).

² К ним надо прибавить еще те несколько документов, которые использованы были А. С. Поляковым в его книге «О смерти Пушкина: По новым данным» (Пб., 1922), а также записку Пушкина о Мицкевиче (см. наст. изд., с. 519—520). Для полноты данных об отношении к Пушкину полицейских властей следовало бы произвести разыскания в архиве Штаба корпуса жандармов, если таковой уцелел после революции 1917 г.: в нем несомненно должны были находиться сведения о Пушкине, поступавшие в Штаб от чинов жандармского надзора.

Министр Народного Просвещения весьма доволен занятиями его по Иностранной Цензуре.

Плетнев, Ординарный Профессор Российской Словесности в здешнем Университете. Преподает Русский язык их императорским высочествам великим княжнам. Состоит под особенным покровительством действительного статского советника Жуковского.

Краевский состоит при Министерстве Народного Просвещения редактором издаваемого от сего Министерства Журнала. Он же Редактор журнала Литературные Прибавления.

Все сии три лица, принадлежа к здешнему литературному кругу, состоят в близкой между собою связи: все были короткие приятели Пушкину и покровительствуются Жуковским».

Так, под знаком «III Отделение», протекали дни Пушкина в годы расцвета его гения. Войдя в кабинет Чудовского дворца, 8 сентября 1826 г., на аудиенцию к Николаю I, хотя и ссылкой, но духовно свободным человеком, он вышел оттуда, по меткому выражению Н. О. Лернера¹, «свободным поднадзорным», — и с этого дня голубая, громоздкая, но мягкая фигура жандарма Бенкендорфа становится рядом с поэтом и неотступно, по пятам, сопровождает его уже до самой могилы, преследуя даже за пределами гроба.

1918

¹ Лернер Н. О. После ссылки в Москве // Пушкин А. С. Соч. / Под ред. С. А. Венгерова. Т. 3. С. 337. Ср.: Саводник В. Ф. Заметки о Пушкине // Русский архив. 1904. Кн. 2. С. 139—140.